Н. Е. ХАРЛАМЕНКОВА

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ ПОДРОСТКА

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Наталья Харламенкова

Самоутверждение подростка

«Когито-Центр»
2007

Харламенкова Н. Е.

Самоутверждение подростка / Н. Е. Харламенкова — «Когито-Центр», 2007

На основе богатого историко-психологического материала раскрывается содержание феномена самоутверждения личности. Субстратный, атрибутивный, структурный, функциональный и генетический виды анализа проблемы позволяют построить авторскую системно-генетическую концепцию утверждения личностью ценности собственного Я. На материале лонгитюдного исследования подростков проверяется основная теоретическая гипотеза о том, что самоутверждение личности является базовым личностным конструктом, закономерно и системно изменяющимся в процессе взросления. Решение подростком таких задач, как формирование половой идентичности, принятие гендерных ролей и перестройка отношений с родителями определяет предмет и средства его самоутверждения. Вывод об общих закономерностях самоутверждения личности делается на основе сопоставления данных, полученных на подростковом возрасте, с особенностями взросления в период юности и ранней взрослости. Обсуждается проблема компенсаторных возможностей личности при различных условиях депривации. Книга предназначена для специалистов в области психологии личности и психологии развития.2-е издание, исправленное и дополненное

© Харламенкова Н. Е., 2007
© Когито-Центр, 2007

Содержание

Предисловие 5
Введение 7
Глава 1. 12
1.1. Принцип системности 14
1.2. Принцип развития 18
1.3. Принцип субъекта 22
1.4. Система принципов 27
Глава 2. 29
2.1. Психоаналитическая парадигма: постановка проблемы 31
2.2. Гештальттеория личности: уровень притязаний и его измерение 39
2.3. Гуманистическая парадигма: потребность в признании и самоактуализация 43
2.4. Поведенческая психология: самоутверждение как умение 48
2.5. Система категорий 52
2.5.1. Самопредъявление, самораскрытие, самовыражение и самоопределение 53
2.5.2. Самореализация, самоактуализация и самоутверждение 55
Глава 3. 57
3.1. Конкретно-научная методология исследования: научный анализ проблемы 59
3.1.1. Субстратный анализ 59
3.1.2. Атрибутивный анализ 65
3.1.3. Функциональный анализ 67
3.1.4. Структурный анализ 69
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Наталья Евгеньевна Харламенкова
Самоутверждение подростка
2-е издание, исправленное и дополненное

Предисловие

Настоящая монография представляет собой 2-ое дополненное и исправленное издание книги «Самоутверждение подростка», которая впервые была опубликована в 2004 г. в Издательстве «Институт психологии РАН». Возможность еще раз вернуться к содержанию книги позволила автору пересмотреть целый ряд положений, которые приобрели в ней иное звучание.

Прежде всего, в отличие от первого издания в монографию включена глава «Общая методология исследования» (Глава 1), в которой изложены основные философские принципы, лежащие в основе разработанной автором теории. Общая логика главы построена таким образом, что каждый принцип – принципы системности, развития и субъекта – рассматривается в историческом ключе, а затем дается его формулировка, раскрывающая смысловое содержание принципа, важное для настоящего труда. В конце главы рассматривается система методологических принципов, представляющая собой единую философскую основу, исключение из которой хотя бы одного из них нарушает целостное представление о проблеме.

В новой монографии иначе представлен материал Главы 1 первого издания монографии. Теперь он разделен на две части: «Самоутверждение личности в истории психологии» (Глава 2) и «Теория самоутверждения личности» (Глава 3). Каждая из этих глав дополнена новым материалом, однако оригинальная авторская концепция – теория самоутверждения личности, ее формулировка и ключевые положения – оставлены в неизменном виде. В главе, посвященной теории, проводится научный анализ проблемы, для осуществления которого применяются такие научные процедуры, как субстратный, атрибутивный, функциональный, структурный и генетический виды анализа, дается общая формулировка теории, ее шести базовых положений, приводится альтернативная концепция. Формулируется система теоретических гипотез. Глава, посвященная истории взглядов на самоутверждение личности (Глава 2), дополнена категориальным анализом понятий, таких как самопредъявление, самораскрытие, самовыражение, самоопределение (§ 2.5), обозначающих близкую, но не идентичную самоутверждению личности реальность. Сопоставляются и разводятся понятия, которые часто используются как синонимы слова «самоутверждение».

Глава 4 «Пубертат: норма и патология» (в прежнем издании это Глава 2), посвященная особенностям развития подростка, также оставлена в прежнем виде и включает в себя теоретический и эмпирический материал, раскрывающий особенности нормального и аномального развития человека в этот период жизни; подробно описываются особые случаи развития, вызванные хромосомными дефектами – синдром Шерешевского-Тернера и синдром Свайера.

Существенным образом перестроена Глава 3 прежнего издания «Эпигенез и основные задачи подросткового возраста». Во 2-ом издании монографии «Самоутверждение подростка» – это Глава 5 с новым названием «Взросление и его особенности на разных стадиях развития личности», в которой проблема эпигенеза занимает часть главы (параграф 5.1), а остальной материал посвящен новой теме – взрослению, которое раскрывается в контексте сравнения с понятиями «развитие» и «функционирование». Далее анализируются основные проблемы подросткового возраста, и для сопоставления – проблемы периода юности и ранней взрослости. Формулируется система эмпирических гипотез.

Для проверки эмпирических гипотез и, как следствие, теоретических предположений проводится исследование, направленное на изучение самоутверждения личности как закономерного процесса обретения человеком ценности собственного Я (Глава 6 «Самоутверждение личности в процессе взросления: верификация теории»); последовательно и тщательно проверяются все сформулированные автором гипотезы. В настоящем издании дано развернутое обоснование каждого из использованных методов, проведено подробное описание выборки. Основные результаты и их интерпретация оставлены в неизменном виде. В конце главы делаются выводы о подтверждении искомой и отвержении альтернативной теории.

Последняя глава монографии (Глава 7 «Взросление и компенсаторные возможности личности») включает в себя новый материал, который представляет собой результаты последних исследований автора, полученные им самим и его аспирантами и соискателями. В главе излагаются данные разных исследований, которые изначально не были направлены на изучение компенсации, но, как оказалось, так или иначе, касаются этого вопроса. Раскрывая в своем исследовании один из фундаментальных тезисов о том, что фрустрация решения задач взросления не влияет на развитие личности и ее самоутверждение, которое может происходить компенсаторным путем, автор получает подтверждение этого тезиса как в собственном исследовании, при анализе компенсаторных механизмов, направленных на достижение ценности Я, так и в исследованиях, предметом которых стала компенсация физических недостатков, в частности слабости зрительной функции (О. В. Кузнецова), компенсация дефицита родительского внимания, вызванного семейной депривацией (А. К. Рубченко), компенсация как психологическая защита от трудностей при дисгенезии полового развития разного происхождения (А. В. Соловьева). В конце главы предлагается авторская модель изучения случаев аномалий полового развития, в которой учитываются общеметодологические, теоретические и конкретно-научные принципы исследования психологии человека как субъекта собственной жизни.

Во Введении и Заключении рассматриваются самые общие вопросы, без которых, однако, невозможно, с одной стороны, понять актуальность, степень разработанности и новизну изучаемой проблемы, настроиться на последовательное восприятие разной по своей обобщенности информации, с другой стороны, вместе с автором завершить обсуждение поставленных в монографии вопросов, понимая, что полученный в работе дополнительный материал может в последующем стать основой для формулировки новых гипотез.

Монография построена по гипотетико-дедуктивному принципу, т. е. по принципу перехода от общего к частному. В связи с этим знакомство с двумя последними главами (Глава 6 и Глава 7), в которых излагаются результаты проверки эмпирических гипотез должно следовать за главой, посвященной теории самоутверждения личности (Глава 3). При этом методологическую (Глава 1) и историко-психологическую (Глава 2) главы можно читать как до, так и после знакомства с теоретической и эмпирической частями исследования. Учитывая тот факт, что самоутверждение личности не может быть рассмотрено вне общих закономерностей развития личности, вне генеза, автор рекомендует остановиться на Главе 5, в которой излагается проблема взросления личности, раскрывается ее содержание.

Предлагаемая читателю книга представляет собой завершенное исследование самоутверждения личности в процессе взросления, при этом автор не исключает возможности дальнейшей работы над искомой проблемой, оставляя за собой право переосмысления и дополнения того, что было им получено к настоящему времени.

Посвящается моим родителям

Введение

Чувство собственной ценности является одним из показателей нормального развития личности. Именно этому чувству и стратегиям Эго, поддерживающим его, и посвящена данная книга. Она является продолжением опубликованной ранее монографии «Феномен человеческого самоутверждения», написанной двумя авторами – Е. П. Никитиным и Н. Е. Харламенковой. Основные идеи, изложенные в первой монографии, находят продолжение и более глубокое толкование в настоящем издании, прежде всего, потому, что проецируются на подростковый возраст – период наиболее интенсивного и экстенсивного развития телесных и психических функций.

Автор не предполагал охватывать все, традиционно относимые к пубертату проблемы, поскольку такой выбор предопределил бы само содержание книги как еще одной работы о трудностях подросткового возраста. Основная цель монографии – изложить свой взгляд на самоутверждение личности и показать специфику этого феномена в контексте решения подростком возрастных задач. Все остальные вопросы, которые будут рассматриваться в отдельных главах книги (половая идентичность, защитные механизмы и др.), безусловно, представляют собой отдельные, самостоятельные научные проблемы, но в данной монографии они будут иметь значение только в пространстве главной темы – самоутверждения подростка. Для определения общих закономерностей самоутверждения личности в процессе взросления подростковое развитие сопоставляется с развитием личности в период юности и ранней взрослости.

Актуальность изучения проблемы самоутверждения личности состоит в том, что преобразование экономических и социальных условий реальности стимулирует развитие субъектом инициативы, ответственности, предприимчивости, одновременно способствуя появлению негативных феноменов: демонстрации превосходства, обесценивания успехов, амбициозности, с одной стороны, страха удачи, выученной беспомощности, конформности, с другой. Кроме того, возросший интерес обыденного сознания к так называемому ассертивному поведению, детерминированному установкой человека на утверждение своего суверенного Я, делает весьма актуальным обращение к исследованию проблемы самоутверждения личности. Появление в общественной жизни и сознании человека подобных процессов, вызванных социально-политическими трансформациями, требует компетентного ответа психологической науки. Этот ответ должен включать в себя не только констатацию факта ассертивного поведения, но давать объяснение причинам его возникновения, выявлять степень позитивного и негативного влияния на субъекта деятельности и его окружение, определять закономерный или стихийный характер его актуализации, критериально выделять варианты самоутверждения личности и их устойчивость в процессе жизнедеятельности.

Специфическая ситуация, сложившаяся в науке, способствует осуществлению целенаправленного и системного анализа сложных психологических конструктов, одним из которых и является самоутверждение личности. Эта ситуация определяется тем, что последовательно разрабатываются методологические принципы и теоретические подходы к анализу личности как субъекта общения, деятельности, жизненного пути (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский), поставлены и реализованы задачи целостного исследования самосознания и самоидентичности личности (И. И. Чеснокова, Е. Т. Соколова, В. В. Столин), стиля саморегуляции (О. А. Конопкин, В. И. Моросанова), предложено оригинальное обоснование базисных психологических категорий (например, категории «субъект», «мотив», «действие» и др.) метапсихологическими категориями («Я», «ценность», «деятельность», «сознание» и др.) (А. В. Петров ский, В. А. Петровский), продолжен методологический и теоретический анализ категории «развитие» (Л. И. Анцыферова, Д. Н. Завалишина, Е. Ф. Рыбалко) в аспекте системогенеза (В. Б. Швырков, Ю. И. Александров), онтогенеза (И. В.

Равич-Щербо, Т. М Марютина, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман, Д. И. Фельдштейн), историко-эволюционного подхода (А. Г. Асмолов).

Интенсификация методологических, теоретико-психологических и эмпирических исследований в области психологии личности, прежде всего, личности как субъекта деятельности и жизнедеятельности (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, А. А. Деркач), как субъекта понимания (В. В. Знаков), активности (А. К. Осницкий) и преобразования (например, преобразования личностных свойств в ходе мыслительного процесса) (В. В. Селиванов), а также адаптация и конструирование валидных методических средств, направленных на диагностику и исследование глубинных личностных механизмов (Л. Ф. Бурлачук, Д. А. Леонтьев, Е. Т. Соколова, В. М. Мельников, Л. Т. Ямпольский), способствовали осуществлению перехода от простой констатации наличия/отсутствия у человека тех или иных личностных черт к изучению сложной личностной динамики, включающей в себя процессы самореализации, самоутверждения и самоактуализации.

Существенным основанием для последовательного и системного изучения искомой проблемы явилась готовность современной науки к проведению историко-психологического и категориального анализа психологического знания в разных школах по самым общим методологическим и теоретическим проблемам науки (А. Н. Ждан, В. П. Зинченко, В. А. Кольцова, Т. Д. Марцинковская, Н. И. Чуприкова, М. Г. Ярошевский) и по проблеме самоутверждения личности (А. И. Розов, С. Л. Березин, И. И. Кузьменков).

На современном уровне знания проблема самоутверждения личности актуализировалась в связи с интенсивным изучением процессов, в которых отражаются различные аспекты самоосуществления – самовыражения (К. А. Абульханова-Славская), самоидентичности (Е. Т. Соколова), самоопределения (А. В. Петровский, М. Р. Гинзбург, В. Ф. Сафин), самореализации (Л. М. Митина, Л. В. Попова). Именно сейчас многих перестала удовлетворять ситуация, когда перечисленные категории употребляются как синонимы, на самом деле обозначая неидентичные процессы. Наметившееся несоответствие между фактами и их объяснением вызвало актуальную необходимость в дифференциации понятий, а значит и в раскрытии специфики той реальности, которую они определяют.

Потребность во всестороннем исследовании *феномена самоутверждения личности*, который понимается как стремление к получению подтверждения о собственной ценности посредством установления эквивалентных отношений между оценкой Я и объектами, обладающими ценностью, синхронно возникшая в разных сферах жизни – в фундаментальной и прикладной науке, в общественном сознании и практике, определяет *актуальность проблемы* исследования.

Степень разработанности проблемы. Обычно формулировка темы и гипотез исследования в терминах эксплицитной теории предвосхищаются определением проблемы в терминах имплицитной концепции (В. Н. Дружинин), которые, как правило, непротиворечиво дополняют друг друга, практически никогда не находясь в оппозиции (Р. Стернберг). Несмотря на то, что это положение можно считать нормативом, рассогласование между явным и неявным знанием возможно. Оно возникает тогда, когда, либо эксплицитная, либо имплицитная теория закрыты для новых идей и строятся на стереотипных, иногда достаточно частных конструктах, возведенных в степень общих закономерностей. Аналогичная ситуация складывается при исследовании самоутверждения личности на современном этапе развития науки, хотя для истории разработки этой проблемы ее нельзя назвать типичной.

К настоящему времени известна только одна системно разработанная теория самоутверждения личности – теория А. Адлера, во многом, однако, основанная на клинических случаях. Адлер подробно рассмотрел две стратегии самоутверждения человека – личное превосходство, обсуждая его как невротический вариант, и конструктивное превосходство как стратегию нормально функционирующей личности.

Исследования, проведенные в других парадигмах – гештальтпсихологии (К. Левин), гуманистической психологии (К. Роджерс, А. Маслоу), не были специально посвящены проблеме самоутверждения личности и рассматривали ее как частную задачу.

Современные работы по проблеме самоутверждения личности усилили те тенденции, которые были лишь намечены в психологии начала и середины XX в. Во-первых, самоутверждение стали неадекватно соотносить с намерениями и действиями, не имеющими нравственных оснований (С. Л. Березин, А. И. Розов, Н. Ф. Цыбра), во-вторых, рассматривать его как совокупность поведенческих (вербальных и невербальных) стратегий без учета собственно психологических механизмов (например, когнитивных и эмоциональных) (R. Alberti, M. L. Emmons, A. R. Rich, H. E. Schroeder и др.), в-третьих, толковать потребность в самоутверждении и ее реализацию как частный личностный мотив, выраженный у отдельных индивидов, либо как намерение, актуализирующееся под влиянием ситуации (Н. Ф. Цыбра, В. Д. Евстратов, Х. Хекхаузен).

В целом наметилось существенное рассогласование между имплицитными представлениями о самоутверждении личности и его эксплицитным конструированием. В обыденном знании самоутверждение представлено очень разнообразно и, прежде всего, как устойчивое побуждение, реализация которого вносит позитивный вклад в развитие самоценности, самодостаточности и зрелости личности. В эксплицитных теориях самоутверждение трактуется необоснованно узко, а именно как ситуативная мотивация, актуализирующаяся под влиянием внешних факторов, либо как устойчивые поведенческие стратегии, способствующие или препятствующие достижению поставленных субъектом целей. Отсутствие специальных работ, посвященных проблеме самоутверждения личности, системно раскрывающих функции, атрибуты, структуру и генез утверждения личностью ценности собственного Я при разных условиях взросления, отражают реальное и неудовлетворительное состояние проблемы.

Несоответствие между актуальностью проблемы самоутверждения личности и степенью ее разработанности позволили сформулировать основную *цель* исследования, которой является системный анализ закономерностей самоутверждения личности в процессе взросления.

Теоретико-методологической основой исследования выступают: принцип системной организации психики (П. К. Анохин, В. А. Барабанщиков, А. А. Деркач, Б. Ф. Ломов, А. А. Митькин, В. Д. Шадриков), принцип развития (Ю. И. Александров, Л. И. Анцыферова, Д. Н. Завалишина, Т. М. Марютина, Н. С. Лейтес, Е. А. Сергиенко, В. Б. Швырков), принцип субъекта (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская), принцип активности (Д. Н. Узнадзе, И. А. Джидарьян, А. В. Петровский, В. А. Петровский) и принцип историзма (А. Н. Ждан, В. А. Кольцова, Т. Д. Марцинковская), а также принципы конкретно-научной методологии (Е. П. Никитин).

Общеметодологические принципы нашли отражение в фундаментальных теоретических положениях о преемственности, целостности, завершенности психического развития, его системности, качественном характере и эквифинальности, в положении о различиях между процессами развития и функционирования и их соотношении в ходе жизнедеятельности, о сензитивных и критических периодах развития, о субъекте как источнике активности.

Теоретической основой исследования явились работы, направленные на изучение самоутверждения (А. Адлер, Х. Шульц-Хенке, К. Левин, А. Маслоу), самоидентичности личности (Э. Эриксон, Е. Т. Соколова), самоуважения (Х. Кохут), уверенности в себе (A. A. Lazarus, A. R. Rich, H. E. Schroeder и др.); исследования, посвященные проблеме ценностей (О. Г. Дробницкий, Д. А. Леонтьев, Г. Л. Будинайте, Т. В. Корнилова), механизмам опосредствования (В. В. Давыдов, А. В. Брушлинский), проекции, интроекции и идентификации (К. Юнг, М. Кляйн, П. Хайманн, Ж. Бержере, Н. Маквильямс).

Изучение взросления и его особенностей строилось на основе работ, раскрывающих механизмы развития и функционирования психики и исследований, посвященных общим

вопросам психологии подростка (Л. С. Выготский, Х. Ремшмидт, А. А. Реан, Д. И. Фельдштейн, R. Havighurst, A. C. Petersen, R. Larson, M. Ham) и взрослого (Э. Эриксон, Дж. Баттерворт, М. Харрис), а также более частным проблемам – формированию половой и гендерной идентичности (Е. Т. Соколова, Ф. Тайсон, Р. Тайсон, В. Е. Каган, И. С. Клецина, С. Н. Ениколопов, Н. В. Дворянчиков), отклонениям в развитии, связанным с хромосомными аномалиями (Ю. А. Гуркин, Е. В. Уварова), детско-родительским отношениям (Е. А. Сергиенко, Э. Г. Эйдемиллер), проблеме интимно-личностного общения в период ранней взрослости и одиночеству (S. K. Baum; L. A. Peplau; E. DiTommaso и др.).

Основой методического обеспечения исследования стали фундаментальные труды по адаптации и конструированию тестов, принципам их стандартизации и валидизации (Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов, В. М. Русалов, Е. Т. Соколова, П. Клайн, А. А. Бодалев, В. В. Столин).

Подростковый возраст является сензитивным периодом для исследования проблемы утверждения личностью своего Я, прежде всего, потому, что в этот период происходят интенсивные гормональные и телесные изменения, развивается когнитивная и эмоциональная сферы психики, реконструируются отношения с родителями и сверстниками, формируется Эго-идентичность, осуществляется произвольная регуляция поведения, актуализируются разнообразные защитные механизмы.

Темп и интенсивность биологического созревания организма подростка напрямую не влияют на его психический статус, однако, играют не последнюю роль в адаптации личности к изменяющимся социальным требованиям. Тем не менее, в характере «связи между физиологическими изменениями и психическими или психосоциальными типами поведения до сих пор остается много неясного» (Ремшмидт, 1994, с. 82). «Очевидно, что физиологические изменения закладывают основу для разнообразных психических и психосоциальных перестроек, но их не вызывают. Это соответствует общему принципу развития, согласно которому сначала создаются предпосылки для функции и лишь затем возникает она сама» (там же, с. 83).

Наиболее адекватным подходом к исследованию подростка является генетический принцип, или принцип развития. Нам представляется, что именно с таких позиций следует подходить к любой проблеме этого возраста, в том числе и к проблеме самоутверждения личности. Генезис изучаемого феномена в аспекте последовательности, преемственности и качественной новизны каждой стадии развития делает существенный вклад в научное понимание и трактовку искомой проблемы.

Обычно термин «развитие» используется для обозначения общего, парадигмального подхода к анализу проблемы, который обозначает изменение, связанное с преобразованием во внутреннем строении объекта, в его структуре, переход от структуры одного качества к структуре другого качества. Говоря о развитии, отмечают форму изменения (эволюцию или революцию) и направление (прогресс и регресс). Различают индивидуальное (онтогенез) и историческое (филогенез) развитие, где первое рассматривается как закономерное изменение живого существа, происходящее от момента его рождения до момента смерти, а второе – как развитие организмов и систематических групп в течение всего времени существования жизни.

Онтогенез можно изучать с двух точек зрения: 1) с позиции анализа и констатации количественных изменений в психике человека; 2) с установкой на поиск качественных (в том числе и структурных) преобразований, которые сменяют друг друга в определенной последовательности. Примерами психологических концепций, в которых качество и последовательность развития занимают одно из ведущих мест, являются теории Ж. Пиаже, Э. Эриксона, Р. Шпица, К. Абрахама и др. Так, согласно Пиаже «психическое развертывание не является ни постоянным и непрерывным процессом, ни резко прерывающимся процессом с внезапными достижениями, ни чисто хаотичным. Он отмечает, что существует строгая последовательность, в какой ребенок приобретает новые способности, одинаковые для всех детей, независимо от их про-

исхождения, прежнего опыта, мотивации и одаренности. Таким образом, Пиаже подходит к концепции стадий психического развития, именно этим термином обозначая данные универсалии…» (Шпиц, Коблинер, 2000, с. 306–307).

Применение принципа развития к изучению различных аспектов самоутверждения подростка позволяет сделать исследование валидным, раскрывая динамику сложных личностных характеристик при одновременном более глубоком (качественном и количественном) анализе теоретических и эмпирических конструктов.

Монография состоит из введения, семи глав и заключения.

В первой главе обсуждаются общеметодологические принципы исследования – принцип системности, принцип развития, принцип субъекта и принцип активности; определяются общие основания авторской системно-генетической концепции самоутверждения личности.

Во второй главе читатель знакомится с историей взглядов на самоутверждение личности, которая была создана выдающимися психоаналитиками: Альфредом Адлером, Эриком Эриксоном, Харальдом Шульц-Хенке и Хайнцом Кохутом, а также известными психологами-гуманистами – Карлом Роджерсом и Абрахамом Маслоу, занимавшимися как проблемой самоутверждения личности, так и другими, близкими к ней вопросами – самоощущением, самореализацией и самоактуализацией. Обсуждаются взгляды гештальтпсихологов (К. Левин) и бихевиористов (Р. Альберти, М. Эммонс) на природу утверждения личностью ценности Я.

В третьей главе излагаются собственные взгляды автора на искомую проблему. С помощью различных научных процедур – субстратного, атрибутивного, функционального, структурного и генетического видов анализа – исследуются ключевые вопросы данной темы. Далее, на основе результатов анализа проводится научный синтез отдельных аспектов проблемы, создается общая теоретическая модель самоутверждения личности.

В четвертой главе монографии обсуждаются особенности подросткового периода жизни: физическое созревание, когнитивное и эмоциональное развитие; анализируются проблемы, связанные с отклонениями в развитии подростка. Особое внимание уделяется отклонениям, вызванным хромосомными аномалиями – дисгенезии гонад (тому, что в медицине называется синдромом Тернера и синдромом Свайера); дается краткая психологическая характеристика каждой формы заболевания.

В пятой главе книги излагается история взглядов на эпигенез, упоминаются исследования биологов – Х. У. Гарвея, К. Вольфа, И. Блюменбаха, а также эпигенетические теории в психологии – концепции К. Абрахама, Р. Шпица, Э. Эриксона, делается вывод о неоднозначности понимания и толкования принципа эпигенеза. Предлагается своя трактовка поступательного развития личности, вводится новый термин «взросление». В этой же главе проводится теоретическое исследование проблемы взросления с точки зрения решения подростком, юношей и взрослым основных возрастных задач, предполагающих установление дифференциации Я – Другой.

В шестой главе обсуждаются результаты исследования самоутверждения подростка в аспекте взросления, анализируются стратегии и типы самоутверждения личности, доказывается гипотеза об универсальности стадий утверждения подростком самого себя. Общая картина самоутверждения личности дополняется данными, полученными при исследовании юношей/девушек и взрослых людей.

В седьмой главе обсуждаются проблемы компенсации развития при различных видах депривации.

В заключении отмечаются перспективы исследования самоутверждения личности, формулируются новые задачи и гипотезы.

Глава 1.
Общая методология исследования

Согласно В. А. Лекторскому и В. С. Швыреву (Лекторский, Швырев, 1972), существует несколько уровней методологического анализа проблемы: уровень философской методологии, уровень общенаучных принципов и форм исследования, уровень конкретно-научной методологии, уровень методик и техник исследования. Подобного же мнения придерживаются не только философы и методологи, но и специалисты конкретных областей научного знания, полагая, что перед каждым автором стоит задача определения своей исходной общенаучной (парадигмальной) позиции.

В психологии эта познавательно-исследовательская стратегия учитывается и активно реализуется при обсуждении наиболее общих вопросов психологии – ее предмета, метода, задач, истории и логики развития (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, Е. В. Шорохова, В. В. Давыдов, В. П. Зинченко, М. Г. Ярошевский, А. Н. Ждан, В. А. Кольцова, Т. Д. Марцинковская), а также в ходе анализа проблем в таких областях психологии, как психология мышления и творчества (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, О. К. Тихомиров, Д. Н. Завалишина, Я. А. Пономарев, В. В. Селиванов и др.), социальная психология (Г. М. Андреева, А. Л. Журавлев), психология общих способностей (А. М. Матюшкин, В. Д. Шадриков, В. Н. Дружинин, М. А. Холодная, Д. В. Ушаков и др.), психология и психофизиология индивидуальных различий (В. Д. Небылицын, В. М. Русалов), психология личности (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Петровский, В. А. Петровский, А. Г. Асмолов, В. В. Столин и др.), клиническая психология и нейропсихология (Б. В. Зейгарник, Е. Д. Хомская, Е. Т. Соколова и др.), психофизика (К. В. Бардин, И. В. Скотникова), в исследованиях нейрофизиологических основ психики (П. К. Анохин, В. Б. Швырков, Ю. И. Александров), в психологии труда и инженерной психологии (Л. Г. Дикая, В. А. Бодров).

Отечественная психология практически всегда придерживалась принципа единства методологии, теории и эксперимента, вне зависимости от политических и идеологических веяний, ведущей научной парадигмы и принадлежности авторской концепции к той или иной школе (Давыдов, 1998; Кольцова, 1999, 2002; Марцинковская, 2004; Ждан, 2000). Лишь в последнее время возникают дискуссии по вопросу бессистемности научных исследований в отдельных областях психологии (в частности в психологии личности), которая приводит к появлению так называемого «фельдшеризма» (по Л. С. Выготскому), некомпетентности в проведении исследовательской работы, о чем в частности указывается в работах Е. Д. Хомской (Хомская, 1997) и А. Г. Асмолова (Асмолов, 2004).

Методология научного исследования позволяет определить наиболее общее направление анализа проблемы, сформулировать исходные принципы, раскрыть их содержание, выделить конкретные теоретические конструкты, а последние – операционализировать и выразить в виде эмпирических переменных. Обсуждения, дискуссии по методологии психологии, исторические аспекты методологических исследований, новые подходы к методологии науки продолжают составлять одно из фундаментальных направлений современных психологических исследований (К. А Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, Ю. И. Александров, А. Г. Асмолов, В. А Барабанщиков, А. В. Брушлинский, АА Деркач, В. Н. Дружинин, А. Н. Ждан, А. Н. Журавлев, Д. Н. Завалишина, В. В. Знаков, В. П. Зинченко, В. А. Кольцова, В. Т. Кудрявцев, Б. Ф. Ломов, Т. Д. Марцинковская, А. А Митькин, А. В. Петровский, В. А. Петровский, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчиков, АВ. Юревич, М. Г. Ярошевский).

Настоящее исследование базируется на ряде методологических принципов: системном принципе, принципе субъекта, принципе развития, а также на принципе активности лично-

сти. Следует остановиться на первых трех принципах (подходах), наиболее полно отражающих авторскую позицию. Предлагается следующая логика изложения отдельных принципов:

– общее представление о принципе (подходе);

– варианты трактовки принципа в психологии;

– обоснование одного из вариантов как наиболее приемлемого для изложения искомой научной проблемы самоутверждения личности.

1.1. Принцип системности

Известно, что системный подход нельзя в полной мере обозначить как открытие XX в. Отдельные системные идеи высказывались мыслителями естественно-научного и философского направлений еще в период античности, но лишь в XIX в. появляется так называемое «системное знание». В данном случае речь идет не о моносистемности, т. е. о целостности и многомерности объекта, а о полисистемности, т. е. представлении об объектах как сложных явлениях, изучаемых в разных связях и отношениях в многомерной картине мира. Именно поэтому «…системный подход в характерном для него отражении действительности исходит, прежде всего, из качественного анализа целостных объектов и раскрытия механизмов их интеграции» (Кузьмин, 1982, с. 8).

В 1954 г. в Сан-Франциско (в рамках ежегодного Заседания Американской ассоциации содействия развитию науки – AAAS) прошла сессия, посвященная проблеме Общей Теории Систем, на которой в аспекте различных наук – биологии, физиологии, экономики, математики и др. были поставлены и обсуждены общие вопросы системности (Л. фон Берталанфи, Р. Джерард, К. Боулдинг, А. Раппопорт). Именно с этого момента берет начало развитие системного подхода в науке в целом и в ее отдельных областях (Раппопорт, 1994).

В психологии подход к целостному исследованию человека был принят как отдельными исследователями (С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев, А. Р. Лурия, Б. М. Теплов, П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн), так и целыми научными школами (культурно-историческая теория, деятельностный подход, гештальтпсихология, субъектно-деятельностный подход, школа В. М. Бехтерева-Б. Г. Ананьева, школа Д. Н. Узнадзе и др.).

Многие исследователи исходили из того, что «базовым признаком системы является интегральная целостность или интегральное единство, а специфическим предметом изучения – интегральные свойства и закономерности объекта или комплекса» (Кузьмин, 1982, с. 3). Более того, предполагалось, что системный подход связан с *качественным анализом целостных объектов*, совокупностей, комплексов.

Итак, одним из первых вариантов системного подхода был принцип исследования сложного объекта (моносистемность) в его интегративной целостности (связности) и качественности. Исследование системного объекта в ряду других систем, а также его системное развитие не всегда принималось во внимание (например, гештальтпсихологами).

Позднее появляется идея полисистемности, согласно которой «знание о предмете самом по себе, о нем как части макро– и микросистем действительности и, наконец, о взаимодействии его с внешним миром» (Кузьмин, 1982, с. 8) составляют четыре системы координат, в которых предмет существует, живет и действует одновременно.

Со временем и полисистемность, основанная на идее взаимодействия частей, элементов, компонентов разных целостностей, постепенно перестала удовлетворять ученых, имеющих дело с «живыми системами» (П. К. Анохин), поскольку предполагала значительное увеличение степеней свободы, ведущее назад, к асистемности. П. К. Анохин выступил против того, чтобы центральным свойством системы считать «взаимодействие множества компонентов». На самом деле это свойство не является изоморфным для различных классов явлений. Он утверждал, что системой (точнее, функциональной системой) «можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимоСОдействия компонентов на получение фокусированного полезного результата» (Анохин, 1975, с. 35). Наличие предполагаемого, или ожидаемого результата (цели) выступает системообразующим фактором, позволяющим функционально объединиться различным элементам для его достижения. Поэтому «…именно результат функционирования

системы является движущим фактором прогресса всего живого на нашей планете» (там же, с. 37).

Понятие системы (по П. К. Анохину) неразрывно связано с идеей развития. Появление в 1937 г. нового понятия «системогенез» обозначило иной (наряду с понятиями «органогенез», «морфогенез») подход к изучению живых систем, развитие которых происходит по принципу: 1) гетерохронности закладки компонентов функциональной системы; 2) фрагментации органа в процессе эмбрионального развития; 3) консолидации компонентов функциональной системы и 4) минимального обеспечения функциональной системы.

Впоследствии наиболее серьезные дискуссии развернулись вокруг положения о системообразующем факторе и принципах развития системы (Брушлинский, 1999, 2003; Сергиенко, 2003).

Интеллектуальные инновации в области системных исследований были обобщены и развиты Б. Ф. Ломовым. Его вариант системного подхода, по словам В. А. Барабанщикова (Барабанщиков, 1997, 2000, 2002а, 2002б), был основан на нескольких источниках, наиболее важными из которых являются: 1) философско-методологические исследования системного подхода, выполненные В. П. Кузьминым (Кузьмин, 1982); 2) философские работы С. Л. Рубинштейна, посвященные проблеме детерминации психических явлений (Рубинштейн, 1959); 3) философско-психологические работы Б. Г. Ананьева, ориентированные на принципы комплексности и системности исследования человека (Ананьев, 1969); 4) теория функциональной системы П. К. Анохина и представление о системообразующем факторе (Анохин, 1975); 5) комплексные исследования свойств нервной системы, проведенные Б. М. Тепловым и В. Д. Небылицыным.

По Б. Ф. Ломову, системный подход базируется на шести следующих принципах.

1. Психические явления исследуются в различных системах координат: 1) как система, обладающая определенным качеством; 2) как внутреннее условие взаимосвязи и взаимоСОдействия индивида со средой; 3) как совокупность качеств, развивающихся в процессе взаимодействия с макросистемами; 4) как результат взаимодействия с микросистемами.

2. Психические явления многомерны и должны рассматриваться в разных системах измерений по принципу полисистемности.

3. Система психических явлений представляет собой многоуровневую организацию, в которой выделяются такие подсистемы, как когнитивная, регулятивная и коммуникативная, каждая из которых также системно представлена.

4. Психика человека представляет собой «разнопорядковые качества и свойства», которые организованы по принципу пирамиды.

5. Многоплановость, многомерность и многоуровневость психического объясняется наличием целой системы детерминант, которые являются пластично изменяемой совокупностью факторов причинного и иного характера, обеспечивающей варианты развития человека как субъекта деятельности и общения.

6. Психические явления должны изучаться в динамике и развитии.

Б. Ф. Ломов писал, что «…природа психического может быть понята только на основе системного подхода, т. е. рассмотрения психического в том множестве внешних и внутренних отношений, в которых оно существует как целостная система» (1975, с. 40).

Отмечая значительность вклада Б. Ф. Ломова в развитие системного подхода в психологии, В. А. Барабанщиков (1997) подчеркивает, что дальнейшее развитие философских представлений о системности состояло не только в том, чтобы синтезировать теоретические и эмпирические исследования в области психологии, растущие в геометрической прогрессии, но и в том, чтобы избежать фрагментарности, вызванной дробностью и разобщенностью исследований отдельных проблем, а вместе с ней и противопоставления номотетического знания идиографическому, социального – биологическому, высшего – низшему и т. д.

Постепенно принцип системности становится естественным основанием многих психологических исследований, таких как системная архитектоника перцептивного окуломоторного акта (В. А. Барабанщиков, 2000), акмеология и психология развития (А. А. Деркач, Г. С. Михайлов, 1999), системогенез профессиональной деятельности (В. Д. Шадриков, 1982), потенциальные свойства СТК – сложных технических комплексов (Ю. Я. Голиков, Л. Г. Дикая, 2002), системные аспекты теории индивидуальности (В. М. Русалов, 1986, 1991), полисистемная организация метаиндивидуального мира (Л. Я. Дорфман, 1997), системность и развитие (Л. И. Анцыферова, 1999; А. А. Митькин, 1997, 1998), системные исследования в истории психологии (В. А. Кольцова, 1999, 2002), полисистемный подход к решению мыслительных задач (Д. Н. Завалишина, 1995, 1999), системные процессы в контексте структуры видового опыта (К. В. Анохин, 2003) и многие другие.

Наряду с позитивными результатами, полученными при проведении системных исследований, обсуждались и продолжают обсуждаться наиболее острые (проблемные) вопросы, связанные с системным анализом.

В своих заметках по поводу идеи системности А. Н. Леонтьев пишет, что системно-структурный метод может маскировать неопозитивистские установки в науке, подменяя сугубо научный системный подход антинаучным (Леонтьев, 1991). В подробных комментариях к тезисам А. Н. Леонтьева, опубликованных в этом же номере «Психологического журнала», В. П. Зинченко отмечает положительные и отрицательные стороны системности применительно к методологии психологии вообще, и к деятельностному подходу, в частности (Зинченко, 1991). Он утверждает, что как таковой «марксистский системный анализ» в психологии, о котором говорил А. Н. Леонтьев, еще не состоялся, как, по убеждению В. П. Зинченко, и не состоялся системный подход, развитию которого «должны предшествовать новые мысли и действия» (Зинченко, 1991, с. 136).

Широкая дискуссия, предметом которой стал системный подход, позволяет более критично и беспристрастно подходить к планированию и проведению исследований, ориентированных на системный принцип.

Одним из современных вариантов системного подхода в психологии является системно-эволюционная теория (П. К. Анохин, В. Б. Швырков, Ю. И. Александров), которая объединяет в единое целое идеи системного и эволюционного подходов. Согласно этой концепции системы формируются для достижения полезного результата вследствие взаимодействия организма со средой. «Такое соотношение получило в теории функциональных систем название полезного приспособительного эффекта, или результата, а совокупность всех морфологически различных элементов организма, активность которых приводит к этому результату, была обозначена как функциональная система, причем полезный результат выступал как системообразующий фактор…» (Швырков, 1988, с. 133).

Формирование новой системы рассматривается как «фиксация этапа индивидуального развития – формирования нового элемента индивидуального опыта в процессе научения» (Александров, 2003). В процессе развития происходит переход от одного уровня дифференцированности системы к другому (в противоположность мнению, что развитие представляет собой переход от части к целому).

В ходе развития последовательность стадий преобразуется в уровни психической организации (Я. А. Пономарев). Согласно Ю. И. Александрову, фактором, определяющим организацию уровней, является история развития. Поскольку концепция создана в рамках системной психофизиологии, основой развития и научения считаются функциональная специализация (в отличие от функциональной локализации) и селективный отбор (в отличие от инструктивного принципа). Положение о селекции и системоспецифичности не означает, что модель поведения исходно предопределена; на самом деле исходно определен целый класс таких моделей.

Важно отметить, что развитие происходит не путем замены одной системы другой, а посредством ее интеграции в уже существующую иерархию систем. Системообразующим фактором выступает результат, для достижения которого и организуется данная система. «Таким образом, системы, реализация которых обеспечивает достижение результата поведенческого акта, формируются на последовательных стадиях индивидуального развития, поэтому системная структура поведения отражает историю его формирования. Иначе говоря, реализация поведения есть реализация истории формирования поведения, т. е. множества систем, каждая из которых фиксирует этап становления данного поведения» (Александров, 2003, с. 67).

Таким образом, история становления системного подхода связана с трансформацией представлений о моносистемности в полисистемность, и от нее к формулировке понятия «система» как комплекса избирательно вовлеченных компонентов и их взаимоСОдействия для получения полезного результата. Результат упорядочивает взаимодействие, которое происходит с помощью механизма освобождения от избыточных степеней свободы и сохранения тех степеней свободы, которые способствуют получению результата.

Основные принципы системно-эволюционной концепции являются наиболее близкими нашему пониманию системы, которые включают в себя: ее уровневое строение, принцип полисистемности, формирование системы под влиянием необходимости достижения определенных результатов, связь системности с развитием.

Последний принцип, указанный нами, отражает современный взгляд на проблему системности в психологии, показывая, что категория «развития необходимо включается в определение понятия системы…, а развитие, в свою очередь, раскрывается как системно-целостный процесс» (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988, с. 22).

Итак, исследование, основой которого *является системный принцип, направлено на изучение системного объекта, качественное изменение которого происходит под влиянием взаимоСОдействия с другими системами с целью решения актуальных задач.*

1.2. Принцип развития

Категория развития представляет собой одно из фундаментальных понятий психологии, которым обозначают законы и закономерности динамики психического как процесса. Идея развития вошла в психологию благодаря эволюционной теории Ч. Дарвина и работам И. М. Сеченова, который аргументированно доказал необходимость исследования психической реальности с помощью генетического метода, а в «Элементах мысли» (Сеченов, 1947) сформулировал универсальный закон дифференциации.

Наиболее общие законы развития – дифференциация и интеграция – подробно проанализированы уже в трудах русских мыслителей конца XIX-начала XX в.: И. М. Сеченова, В. С. Соловьева, Н. Н. Ланге, Н. О. Лосского, А. А. Богданова.

Н. Н. Ланге утверждал, что каждая предыдущая ступень представляет собой психическое состояние менее конкретного, более общего (интеграция), а следующая – более частного и дифференцированного (дифференциация) характера. Кроме собственно дифференциации, в процессе развития важны механизмы «сравнивания и различения» (Н. О. Лосский), ведь «знание есть процесс дифференцирования действительности путем сравнивания» (цит. по: Чуприкова, 2000, с. 117).

В работах В. С. Соловьева и А. А. Богданова формулируются положения о полидетерминации процесса развития и о системных механизмах дифференциации и интеграции. Так, В. С. Соловьев полагает, что внешние факторы действуют на развитие только сообразно собственной природе организма, а А. А. Богданов, говоря о законах системной дифференциации, усматривает в них расхождение между элементами опыта при сохранении связей и построении отношений по принципу взаимодополнительности. Системное расхождение сопровождается процессами контрдифференциации, обнаруживающимися в актуализации механизмов системной консолидации, которая устраняет внутренние противоречия за счет кардинального преобразования организации (т. е. системы).

Подобные же идеи высказывались Г. Спенсером, Т. Рибо, Э. Клапаредом, Х. Эренфельсом, П. Жане и др. К примеру Пьер Жане (Жане, 1913; Анцыферова, 1969; Федунина, 2002), обсуждая вопросы эволюции психического во второй период своего творчества, определял личность как «работу», нацеленную на целостность и дифференцированность. Он писал: «Когда известное количество психических явлений комбинируется воедино, то в психике наступает обыкновенно новый весьма важный момент: единство психических явлений, будучи замечено и понято, дает начало особому суждению, которое называется понятием о “я”» (Жане, 1913, с. 112).

Вопрос о законах тесно связан с пониманием психического как идеального или как материального. Я. А. Пономарев полагает, что сведение психического к идеальному «упраздняет психологию как материалистическую науку» (Пономарев, 1983, 1988) и «…чтобы расчистить почву для выявления собственно психологических законов, необходимо преодолеть редукцию психического к идеальному и восстановить в психологических правах категорию взаимодействия (без которой нельзя понять и категорию развития)» (Пономарев, 1988, с. 193). Взаимодействие и развитие составляют, по Я. А. Пономареву, неразрывное единство: развитие нельзя понять, не зная законов взаимодействия, а взаимодействие, в свою очередь, невозможно объяснить вне развития.

Проблема соотношения взаимодействия и развития тесно связана с проблемой детерминации психического.

В отечественной психологии принцип развития был реализован в положениях о гетерохронности, сложности и многомерности психической динамики, в обсуждении вопроса о движущих силах, закономерностях и детерминации развития. Принцип социальной детерминации

развития разрабатывался Л. С. Выготским и последовательно изучался А. Р. Лурия, роль деятельности как способа и условия психического развития показана в работах А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, А. В. Запорожца, Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова. В трудах Б. Г. Ананьева и Б. Ф. Ломова эти идеи получили воплощение в принципе единства деятельности и общественных отношений в развитии личности, в раскрытии роли общения в формировании и становлении личности, в «положении о личности как активном субъекте своего собственного развития» (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988).

Понимание развития как преимущественно социально детерминированного процесса не всегда позволяет раскрыть его многообразие и многомерность, рассматривает человека как индивида, усваивающего и присваивающего социальные нормы, правила, требования. Однако уже Л. И. Божович настаивала на признании того, что в процессе деятельности могут формироваться разные психические свойства, так как ребенок усваивает из окружающей среды то, что отвечает его готовности и потребностям, ведь «психика человека развивается не столько в меру усвоения, сколько в меру изменения субъектом окружающей его действительности» (Божович, 1968, с. 14). Тем самым альтернативность детерминации (биологическое или социальное) может рассматриваться системно (Б. Ф. Ломов, Ю. И. Александров, Е. А. Сергиенко) и представлять собой не дихотомию, а «взаимообусловливающее единство», звенья «системной детерминации единого процесса развития человека» (Сергиенко, 1992, с. 27).

Согласно Л. И. Божович, путь формирования личности заключается в постепенном освобождении человека от непосредственного влияния среды, что позволяет ему сознательно преобразовывать эту среду и себя самого. По мнению А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской, это путь развития человека как субъекта деятельности, который, если посмотреть на развитие как на многомерный процесс, может происходить не только в процессе деятельности, но и в процессе общения (Б. Ф. Ломов), взаимодействия (Я. А. Пономарев) и даже созерцания (В. П. Зинченко).

Учитывая важность категории «развитие» для психологии, С. Л. Рубинштейн возвел ее в статус важнейшего методологического принципа психологии. «Развитие психики является для нас не только более или менее интересной частной областью исследования, но и общим *принципом* или *методом* исследования всех проблем психологии. Закономерности всех явлений, и психических в том числе, познаются лишь в их развитии, в процессе их движения и изменения, возникновения и отмирания» (цит. по: Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988, с. 25).

Необходимыми и достаточными характеристиками развития являются необратимые, закономерные, направленные качественные изменения организованных объектов, осуществляющиеся системным образом.

Характерными чертами развития Л. И. Анцыферова, Д. Н. Завалишина и Е. Ф. Рыбалко (1988) называют:

– преемственность между этапами;

– целостность;

– завершенность, результативность;

– структурность, которые связаны с такими *фундаментальными* характеристиками развития, как:

– имманентность изменений;

– направленность и необратимость;

– качественный характер.

Структурность, целостность, качественность, преемственность развития человека (и живых организмов вообще) были предметом серьезной дискуссии, которая в истории науки развернулась между двумя парадигмами – эпигенезом и преформизмом. Эпигенез представлял собой учение о зародышевом развитии организмов как процессе, осуществляемом путем последовательных новообразований. Преформизм – тоже учение, но о наличии в половых

клетках организмов материальных структур, предопределяющих развитие зародыша и признаки образующегося из него организма. Начало этому противостоянию было положено уже в эпоху античности. Соперничество между двумя научными парадигмами не прекращалось на протяжении нескольких веков.

Эпигенетики настаивали на том, что развитие живого организма – процесс качественного роста, обусловленный негенетическими факторами. Наиболее сложным моментом был вопрос о том, какие механизмы стимулируют процесс развития. Многие из сторонников эпигенеза признавали наличие некоторой силы – «энтелехии» (Аристотель), «образовательного стремления» (И. Фр. Блюменбах), «растительной силы» (Нидгэм), «всеобщего духа» (Ван Гельмонт), соединяя эпигенез с виталистическими идеями.

Наиболее последовательными сторонниками учения об эпигенезе были У. Гарвей (1651), К. Фр. Вольф (1764), И. Фр. Блюменбах (1781).

Преформисты утверждали, что «зачаток организма уже на самых ранних стадиях своего существования заключает в себе все свойства и материальные части будущего живого существа» (Новиков, 1927, с. 6). Это означало, что развитие организма, индивида рассматривалось как количественный рост отдельных органов, функций, свойств, которые когда-то кем-то (предположительно, Богом) уже были созданы. Сторонниками учения о преформизме были А. Левенгук, Я. Сваммердам, М. Мальпиги, Ш. Боннэ, А. Трамблэ и др. (см. Новиков, 1927; Вольф, 1950; Гайсинович, 1961).

У самых своих истоков борьба двух учений строилась вокруг предположения о детерминантах развития индивида (влияние «материальных структур», генов, либо влияние эпигенетических факторов). Позднее, а именно, вследствие развития генетики и молекулярной биологии, которые показали, что раскрытие закономерностей развития живых существ строится с учетом как внутренних, предетерминированных факторов, так и роли в их реализации условий внешней среды, борьба между преформационными идеями и эпигенетическими взглядами приобрела несколько иной характер и стала трактоваться как противопоставление количественного развития (накопления, развертывания генетически предопределенных свойств) качественному, т. е. развитию путем обретения новообразований. Эпигенетические идеи стали ассоциироваться не столько с безусловным и единственным влиянием средовых факторов, сколько с поступательным, качественным, эквифинальным развитием. Именно в такой трактовке они стали ассимилироваться рядом психологических концепций. Традиционно эпигенетическими считают психоаналитические теории: теорию объектной любви Карла Абрахама (Кремериус, 1998; Шторк, 2001), эпигенетическую теорию Эрика Эриксона (1996а, 1996б), теорию развития ребенка Рене Шпица (Шпиц, Коблинер, 2000) и др. Иногда в разряд эпигенетических попадает генетическая эпистемология Жана Пиаже (Фридмэн, 2001).

В *строгом смысле слова* ни одна из перечисленных теорий не может быть отнесена к эпигенетическим, поскольку развитие в каждой из них (и особенно в теории Пиаже) соотносится как с генетическими, так и с эпигенетическими факторами. Более того, полагать, что эпигенез означает, «что сущность лежащей в основе структуры или функции (следует понимать. – *Н. Х.*), с одной стороны, как результат генетически обусловленных процессов, с другой стороны, как результат влияния внешней среды, в которой они проявляются» (Фридмэн, 2002, с. 207), по меньшей мере, не верно.

Изначально эпигенез трактовался как учение, которое отвергает преформацию и не допускает врожденной дифференциации и специализации. В этом состоит основное, можно сказать, ключевое положение эпигенеза. Со временем оно ассоциативно стало соотноситься не столько с причинной детерминацией развития, сколько с установками на качественное, поступательное, системное развитие индивида, личности путем обретения новообразований, а затем уж совсем неправильно эпигенез стали соотносить и с генетической, и с эпигенетической детерминацией. В связи с этим корректнее было бы использовать иную терминологию, оставляя за

авторами право на применение термина «эпигенетический» (но не «эпигенез»), хотя, по-видимому, для современных теорий системогенеза и он выглядит не вполне удачно.

Соединение воедино принципа развития, дифференциации, системности, генетической заданности, эквифинальности, появления качественно новых образований, но при условии осуществления взаимодействия данной системы (личности) с другими системами соответствует современным представлениям о процессе развития, которые находят отражение в системно-эволюционном подходе (П. К. Анохин, В. Б. Швырков, Ю. И. Александров), историко-эволюционном подходе (А. Г. Асмолов), динамической теории личности (Л. И. Анцыферова).

В нашей концепции принцип развития рассматривается как подход, на основе которого осуществляется анализ последовательных и качественных системных изменений самоутверждения личности в процессе взросления. При этом он не исключает собственной активности личности (Джидарьян, 1988) как субъекта деятельности, направленной на созидание и утверждение ценности Я и чувства собственного достоинства, ведь «действуя на новой основе, личность удерживает, воспроизводит, утверждает, приумножает фундаментальный массив своего прошлого как собственный жизненный опыт, как приобретенное мастерство, как сформировавшиеся способности, как уверенность в своих силах, как ту упроченную самой личностью систему жизненных отношений, ради которой она живет» (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988, с. 30–31).

Развитие личности невозможно без ее функционирования, но только при условии, если мы принимаем тезис о том, что «любая общественная детерминация включает наряду с жестким ядром предписаний, также и нежесткую детерминацию, апеллирующую к свободному выбору личностью способа и формы своего развития, к ее собственной активности, направленной на повышение высоты организации включающих ее систем» (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988, с. 33), и допускаем, что «каждая личность (в том числе ребенка) есть субъект» (Брушлинский, 1991, 1992, 1993, 2002, 2003) как качественно определенный способ самоорганизации и саморазвития, «как человек, люди на *высшем* (*индивидуализировано* для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т. д.» (Брушлинский, 2002, с. 9).

Итак, *принцип развития рассматривается нами как качественное преобразование личности, которое связано с изменением уровня ее системности, с возрастанием возможностей функционирования, с проявлением собственных личностных ресурсов.*

1.3. Принцип субъекта

Категория субъекта и принцип организации исследования, основанный на идее субъектности в целом означают, что человек сознательно, целенаправленно и относительно независимо от навязываемых ему требований выстраивает свой жизненный путь, осуществляя регуляцию системы взаимоотношений и взаимодействий с миром (и в частности, с самим собой).

В отечественной психологии категория субъекта разрабатывалась Б. Г. Ананьевым, Д. Н. Узнадзе, С. Л. Рубинштейном, а также А. В. Брушлинским, К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой и многими другими исследователями.

По Б. Г. Ананьеву, понятие субъекта тесно связано с понятием деятельности, причем преимущественно профессиональной. Индивид, личность и субъект деятельности представляют собой интегрированное единство, являясь неповторимой индивидуальностью человека (Ананьев, 1969; Анцыферова, 1998; Сергиенко, 2002). Однако, как отмечает Е. А. Сергиенко, в концепции Б. Г. Ананьева именно личность, а не субъект выступает ядерной структурой индивидуальности. Установление связи категории субъекта с понятием деятельности позволяет раскрыть лишь одну грань субъектных отношений человека с миром – деятельностную. Тогда как, согласно Рубинштейну, другие модальности – познавательное, этическое, созерцательное отношения остаются без внимания.

Д. Н. Узнадзе соотносил понятие субъекта со способностью человека осознавать действительность такой, какова она есть, вне зависимости от пристрастий и потребностей личности. Человек является субъектом в силу того, что «при возникновении затруднений и задержке его деятельности у него активируется, прежде всего, способность объективации» (Узнадзе, 2000, с. 91–92), а значит, он имеет возможность выбора направления собственной активности в зависимости от своих целей и намерений (Узнадзе, 1961). По Узнадзе, быть субъектом значит обладать уникальной возможностью быть активным, направленно преломляя явления действительности в своем сознании; это значить уметь «не всегда подчиняться непосредственно этой действительности», выделять существенное и несущественное, актуальное и неактуальное.

Категория субъекта для С. Л. Рубинштейна имела глубокий философский смысл. Как отмечает К. А. Абульханова, понятие субъекта позволяет ему раскрыть основные положения учения о бытии, центром которого (т. е. бытия) субъект и является. Кроме этого, категория субъекта вносит новое (в ряде случаев идеологически запретное) в содержание человеческой сущности, которая отличается свойствами активности, способностью «к развитию и интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению и самосовершенствованию» (Абульханова, 2002, с. 34).

Для С. Л. Рубинштейна категория субъекта является центральной, определяя особые отношения человека с миром, его активное познавательное и деятельное начало. Не психика отражает бытие, а человек как субъект деятельности, путем детерминации «внешнее через внутреннее», включенный в это бытие, способен изменить его, выйти за его пределы.

Человек как субъект созидается, определяется и проявляется в ходе изначально практической деятельности. Именно деятельность является тем синтезирующим, системообразующим фактором, благодаря которому субъект представляет собой единство, целостность, являясь не только субъектом деятельности, но и субъектом жизненного пути, жизнедеятельности. «Способность личности строить свои отношения с миром, выбирать жизненную позицию, избирательно, сугубо индивидуально действовать в соответствии с высшими жизненными ценностями и системой мотивов характеризует ее на высшем уровне ее развития» (Абульханова-Славская, 1997, с. 307). В концепции субъекта жизни личность определяет, планирует, выбирает, реализует основные тенденции жизни, являясь ее движущей силой. Приоритетность

жизненных ценностей, способы их реального воплощения, контроль и реализация жизненных задач во многом определяются жизненной позицией личности.

Существенно важно, что категория субъекта нашла отражение в работах Л. И. Божович (1968), В. В. Давыдова (Давыдов, 1996; Кудрявцев, Уразалиева, 2001) и ряда других авторов, которые не всегда упоминаются в связи с проблемой субъекта.

Выводы, к которым приходит Л. И. Божович, близки пониманию субъекта Д. Н. Узнадзе и С. Л. Рубинштейном. Развитие личности понимается ею как стремление быть инициатором собственной активности. Понятия «внутренняя позиция ребенка» и «социальная ситуация развития», которые являются ключевыми в ее концепции, определяют способность ребенка «действовать самостоятельно на основе сознательно поставленных целей и принятых намерений» (цит. по: Анцыферова, 1997, с. 174). Формирование внутреннего побудительного плана является основой для регуляции импульсивной активности ребенка, препятствуя проявлению реактивности. Начала формирования субъектного отношения к миру обнаруживаются у младенца в возрасте первого месяца жизни в виде появления потребности в новых впечатлениях.

Разработка проблемы субъекта в концепции В. В. Давыдова была неразрывно связана с проблемой деятельности, в первую очередь учебной. Говоря «субъект учебной деятельности» В. В. Давыдов, прежде всего, имел в виду «развивающее обучение», смысл которого состоит не в том, чтобы научить, а «учить самостоятельно учиться и переучиваться» (Кудрявцев, Уразалиева, 2001). Согласно теории развивающего обучения, его содержанием выступают *теоретические* знания, *методом* – организация *совместной* учебной деятельности младших школьников, а *продуктом* развития – главные психологические новообразования, присущие младшему школьному возрасту (Давыдов, 1996).

Полемизируя с В. В. Давыдовым относительно механизмов детерминации развития психики, А. В. Брушлинский (1998, 2003) неизменно отмечает динамизм теории В. В. Давыдова, ее последовательность и высокую ценность, особо подчеркивая существенность эволюции его взглядов на природу развития психики, на «субъекта такого развития» (Брушлинский, 1998, с. 35).

Глубокий философский, методологический и конкретно-научный анализ и обоснование категория и принцип субъекта получили в работах К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой, А. В. Брушлинского. Мы отмечали, что согласно А. В. Брушлинскому, субъектом выступает человек, люди «на высшем (индивидуализированно для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т. д.», для которого окружающая действительность обнаруживается не в форме раздражителя или сигнала, «но прежде всего как объект действия и познания, а другие люди выступают для него тоже как субъекты» (Брушлинский, 2002, с. 9). Субъект, по Брушлинскому, включает в себя все качества человека, синтезируя их. Это более широкое понятие человека по сравнению с категориями индивида и личности.

Субъектные качества человека обнаруживаются по мере его становления, в тот момент, когда ребенок «начинает выделять себя (не отделять!) из окружающей действительности и противопоставлять себя ей как объекту действия, познания, созерцания и т. д.» (Брушлинский, 2002, с. 12).

Критериями становления субъекта является, во-первых, способность 1-2-летнего ребенка на основе сенсорного и практического опыта выделять значимых для него людей, предметы, события посредством простейших значений слов, и, во-вторых, способность выделять детьми 7-10 лет объекты, обобщая их в форме простейших понятий. «На вышеупомянутом этапе развития деятельности и общения окружающая действительность именно в *понятиях* начинает выступать для людей в качестве *объекта* (а не только как система раздражителей и сигнальных раздражителей). Объект существует только соотносительно с субъектом, а субъект

возникает, действует, живет лишь во взаимосвязи с объектом и с другими людьми как субъектами» (Брушлинский, 2002, с. 13).

Взаимодействие субъекта с объектом – непрерывный процесс, который и является основным способом существования психического. Непрерывность психического как процесса объективно определяется непрерывностью взаимодействия человека с миром как субъекта деятельности. Именно непрерывность, недизъюнктивность соотносится с достигаемым в процессе развития качеством, тогда как дискретность, прерывность, дизъюнктивность – с количественной величиной (Брушлинский, 1988).

Итак, одной из существенных характеристик субъекта, по Брушлинскому, является способность человека выделять себя из окружающего мира, способность относиться к нему, способность к самоорганизации и саморазвитию, которые и определяют остальные его особенности – целостность (или системность), автономность (или относительную свободу) и др. Автономность при этом не исключает взаимодействия, а наоборот, предполагает его. Расширение представлений о содержании *активности*, переход от *микросемантического* к *макроаналитическому* методу познания психического, целостный системный характер исследования *динамического, структурного* и *регулятивного* планов анализа психологии субъекта – это тот принципиально новый вклад, который был сделан А. В. Брушлинским при создании научных основ психологии субъекта (Знаков, 2003).

А. В. Брушлинский утверждает, что человек не рождается, а становится субъектом, причем согласно выделенным им критериям проявления субъектности характерны уже для самого маленького ребенка. Положения о том, что человек непрерывно развивается как субъект и одновременно уже является субъектом, по мнению Е. А. Сергиенко, выглядят достаточно противоречиво (Сергиенко, 2002). Настолько же полемичным, отмечает она, является второй критерий субъекта (Сергиенко, 2003).

Личность как субъект деятельности, поведения и субъект своего внутреннего мира, своей психической жизни является предметом исследования Л. И. Анцыферовой (Анцыферова, 2000). Автор утверждает: «Основная характеристика субъекта – переживание человеком себя как суверенного источника активности, способного в определенных границах намеренно осуществлять изменения окружающего мира и самого себя» (Анцыферова, 2000, с. 211).

На каждой ступени развития общество задает личности определенные ориентиры, общие принципы восприятия и понимания мира, отношения к нему. Можно сказать, что «заданное миром» не может быть строго усвоено, принято. Общественные нормы имеют «зонную природу», и влияют на человека только через его «внутренние условия», его индивидуальные особенности, ценности, цели и предпочтения. Характеристика субъекта через понятие его собственной активности и осознанности является базовым положением концепции Л. И. Анцыферовой, которая придерживается позиции С. Л. Рубинштейна, согласно которому существенной чертой человека как субъекта деятельности является осознанность его мотивов, произвольность деятельности. Рассматривая три уровня развития личности, Л. И. Анцыферова полагает, что на первом уровне «субъект недостаточно адекватно осознает свои истинные побуждения», еще не может контролировать и учитывать степень влияния на ситуацию. «На этом уровне качества субъекта проявляются через акты целеполагания и через действия по преодолению трудностей на пути достижения целей» (Анцыферова, 2000, с. 212).

На втором уровне личность проявляет себя как «субъект, сознательно соотносящий цели и мотивы действий, намеренно формирующий ситуации свого поведения, стремящийся предусмотреть прямые и косвенные результаты собственных действий…» (там же, с. 212).

На третьем этапе, который обозначается как высший, личность становится субъектом жизненного пути, и определяется степенью своей индивидуальности, свободы – «свободы выявлять, переживать и собственными действиями разрешать назревшие противоречия развития общества» (там же, с. 212). И далее: «Нахождение общественно значимого способа раз-

решения этих противоречий оказывается в то же время радикальным путем преобразования собственной жизненной ситуации» (там же, с. 213).

Итак, активность личности, которая характеризует ее как субъекта, обнаруживается в способности осознавать свои мотивы, действовать произвольно и целенаправленно, искать и находить приемлемые способы разрешения противоречий, ощущать себя источником организации собственной жизни.

Различия в понимании субъекта жизни и деятельности вызваны оригинальным (авторским) подходом к проблеме личности и ее развитию. Начиная с философской трактовки субъекта как высшего уровня развития человека, уровня его совершенства, К. А. Абульханова-Славская подчеркивает, что личность осуществляет свой путь к совершенству, не достигая его. Субъект обозначает «индивидуальное движение к совершенству или, что то же, движение к индивидуальному, а не универсальному совершенству» (Абульханова-Славская, 2002, с. 46). Правильнее говорить, по мнению, К. А. Абульхановой-Славской, не об уровне как таковом, а о «мере» развития, мере становления субъектом. «Разные люди в разной мере способны организовывать ход своей жизни соответственно со своими целями и притязаниями, в разной мере реализовывать свои возможности, способности, осуществлять самореализацию своей индивидуальности в категориях и формах своей жизни» (там же, с. 46), и именно поэтому категория субъекта имеет скорее относительный, чем абсолютный характер.

Субъекта отличает уровень активности, степень его самоопределения и интегративности, при этом последнее определяется как интегрирование личности как системы с миром и образования «интерактивного пространства» (между личностью и действительностью). Активность субъекта и заключается в образовании такой системы, в организации системы взаимодействий и отношений, и «проявляется в определении задач деятельности, т. е. способе сочетания условий и требований, тех трудностей и усилий, которые потребуются для их решения» (Абульханова-Славская, 2002, с. 44).

Субъект обладает активностью в той мере, в какой он способен к композиции индивидуально-личностных качеств с целью осуществления взаимодействия личности с миром, готов и умеет преодолевать противоречия, находя относительно независимый способ осуществления деятельности от ее требований. Подводя итог обсуждению проблемы субъекта, К. А. Абульханова-Славская утверждает, что «если личность, согласно общепринятому определению, – интегративная система, если активность, согласно нашей гипотезе, – это интеграл притязаний, саморегуляции и удовлетворенности, то субъект деятельности – это синтез или интеграл качеств личности в способе осуществления деятельности и требований деятельности к личности. Этот интеграл оформляется в виде… задач, в которых субъект может преобразовать не только свои личностно-психологические ресурсы, но и сами условия и требования деятельности» (Абульханова-Слав ская, 2002, с. 45).

Развитие личности в качестве субъекта предполагает рассмотрение различных аспектов возникновения субъектности в жизни ребенка:

1) формирования личности как стержневой характеристики субъекта;

2) понимания и разделения мира физических и социальных объектов;

3) обсуждения вопроса об изначально практической (а затем теоретической) деятельности как основы саморазвития субъекта; 4) исследования проблемы индивидуальности (Сергиенко, 2002), а также стадий развития субъекта в онтогенезе (Селиванов, 2002).

Проблема субъекта в психологии обсуждается очень широко. Дискутируются вопросы, связанные с определением критериев субъекта (Брушлинский, 2002; Сергиенко, 2003), проводится категориальный анализ базисной категории «субъект» и метапсихологической категории «Я» (Петровский, Петровский, 2000), рассматриваются проблемы психологии понимания человеческого бытия (Знаков, 2003), исследуется проблема онтогенетического развития субъекта (Абульханова-Славская, 2002; Анцыферова, 2000; Кудрявцев, 2001; Сергиенко, 2002;

Слободчиков, Цукерман, 1996, 1998; Фельдштейн, 1994, 1996; Селиванов, 2001, 2002 и др.); определяются характеристики саморегуляции произвольной активности как особенности субъекта, функциональная структура процессов саморегуляции (Конопкин, 1995, 2004), обосновывается положение об индивидуальном стиле саморегуляции (Моросанова, 1997, 2002), исследуется проблема опыта субъектной активности и его компонентов – ценностного, рефлексивного, привычной активации, операционального и опыта сотрудничества (Осницкий, 1999).

Кроме того, изучается профессиональное и личностное развитие человека как субъекта деятельности (Деркач, Кузьмина, 1993; Дикая, 1999, 2002; Ломов, 1984), анализируется субъектный аспект развития способностей как качеств и свойств, обеспечивающих успешное функционирование психических процессов (Дружинин, 1999), осуществляется исследование восприятия как субъектного и личностного процесса (Барабанщиков, 2000) и др.

Постановка и комплексное исследование проблемы субъекта в психологии является основой для формулировки общеметодологического *принципа*, который *означает необходимость рассмотрения личности как субъекта деятельности, развития, жизни, т. е. как суверенного источника собственной активности, как человека, способного к сознательной регуляции поведения и к целенаправленной деятельности.*

1.4. Система принципов

В соответствии с изложенными выше принципами личность представляет собой системный объект. Системность личности обеспечивается историей ее развития. Чем сложнее система, тем многообразнее ее отношения с миром, тем вариативнее, шире ее возможности. Л. И. Анцыферова справедливо отмечает, что личностное развитие «связано с повышением уровня ее организации, с возрастанием способности осуществлять себя в более сложной системе жизненных отношений и воспринимать по-новому мир: более структурированным, интегрированным и содержательным» (Анцыферова, 1992, с. 23).

Системное развитие личности означает процесс, в ходе которого происходит ее целостная перестройка на основе механизмов дифференциации и интеграции, предполагающая изменение не отдельных сторон и качеств личности, а ее системную трансформацию. Именно такой тип динамики как системное развитие позволяет говорить не о количественном накоплении возможностей, а об их качественной специфике. И только поэтому можно утверждать, что «развитие личности в своем результативном выражении выступает как ее качественное преобразование…» (Анцыферова, 1992, с. 23).

Раскрытие закономерностей развития человека составляет основу научной трактовки динамики личности, требующей выявления универсального при учете уникального. Многообразие подходов к проблеме периодизации развития личности (Балтес, 1994; Дружинин, 1997; Моргун, Ткачева, 1981; Поливанова, 2004; Слободчиков, Цукерман, 1996; Фельдштейн, 1989, 1996; Эльконин, 1971) и субъекта деятельности (Анцыферова, 2000; Брушлинский, 2002; Селиванов, 2002) позволяет убедиться в реальности существования проблемы номотетического знания о личности, считая необоснованными утверждения, что уникальность организации и функционирования личности делают невозможным выведение каких-либо общих закономерностей ее развития.

Общие закономерности развития личности обусловлены существованием системы детерминант, которая по принципу «внешнее через внутреннее» (С. Л. Рубинштейн) активизирует внутренние ресурсы личности, ее готовность к системному изменению в целях обеспечения более свободного функционирования. Это означает, что понятие «системное развитие» невозможно раскрыть без принципа субъекта, и в этом смысле все три принципа – системности, развития и субъекта образуют своеобразную *общеметодологическую систему*, взаимодополняя друг друга. Принцип системности объясняет характер организации сложного объекта, раскрывая историю его становления, принцип развития – закономерную динамику формирования новой системы как качественно иной целостности, принцип субъекта – сознательное принятие себя в новом качестве с целью овладения более широкими возможностями функционирования.

Три основных методологических принципа необходимо дополнить принципом активности. Он объясняет способность личности как субъекта деятельности к сознательному использованию новых ресурсов при достижении человеком определенного уровня развития.

Активность системы связана с целевой детерминацией, с направленностью человека на будущие результаты, с планированием определенных достижений. Влияние каких-либо факторов имеет значение только с точки зрения «разрешения» реализации, с позиции готовности «систем будущего поведения», формирующихся «в процессе выполнения предыдущего» (Александров, 2003, с. 47). Активность личности как субъекта деятельности объясняет существование множества вариантов решения жизненной проблемы, которые рассматриваются именно как варианты, как «определенный класс актов», как континуум способов реализации замысла, достижения цели. Благодаря активности личность не «впадает в полную зависимость от социальных требований и установок, а приобретает новые способности раз-

решения социально-психологических противоречий, новые способы соотнесения себя с другими людьми, утверждается в правильности своей позиции, убеждается в ее адекватности жизни» (Абульханова-Славская, 1991, с. 79). Активность проявляется в способности личности моделировать себя и отношения с другими людьми, становясь субъектом собственной жизни.

Таким образом, *общей методологией* исследования является единство принципов системности, развития, субъекта и активности, которые последовательно соотносятся с *конкретно-научной методологией*, т. е. теми научными процедурами – субстратным, атрибутивным, функциональным, структурным и генетическим видами анализа, которые выделены в теории познания, и в настоящем исследовании (Глава 3) применяются для решения задач специальной области исследования – психологии самоутверждения личности, различные аспекты которой были частично разработаны в психоанализе, гештальтпсихологии, гуманистической психологии и бихевиоризме.

Глава 2.
Самоутверждение личности в истории психологии

В литературе, посвященной истории психологии (Ярошевский, 1976, 1996), специально подчеркивается, что даже предварительное ознакомление с источниками, освещающими историческую проблематику, обнаруживает ее связь с актуальными вопросами психологической теории. История вопроса – ключ к ее теории.

Действительно, эволюция любой научной проблемы позволяет увидеть не только историю ее становления, но и логику раскрытия сущности вопроса, содержательные этапы его качественного анализа и обоснования.

Принцип историзма и его применение в конкретном исследовании определяет связь логики разработки проблемы с логикой развития науки и общества, является основой последовательного анализа ее отдельных аспектов в контексте различных школ и направлений. На необходимость применения принципа историзма указывают при изучении отдельных проблем психологии развития (Кудрявцев, 1996), при осуществлении историко-психологического исследования научной тематики ряда школ (Ждан, Марцинковская, 2000) и научных подразделений (Марцинковская, 2004; Поливанова, 2004).

Принцип историзма тесно связан с *парадигмальным подходом*, задающим общепринятые образцы актуальной научной практики. Парадигма определяет способы постановки и решения задач, включает в себя законы и теоретические выводы, основывается на общепринятых нормативах анализа и интерпретации результатов. Правда, согласно Томасу Куну, для так называемой «нормальной науки» неприемлемо положение, когда в одну эпоху можно обнаружить существование нескольких парадигм. Для психологии, однако, куновские критерии парадигмальности не совсем подходят – одновременное появление (и упрочение) нескольких парадигм для нее скорее норма, чем отклонение от нее. Именно поэтому в ряде случаев психологию относят к предпарадигмальным наукам.

Принцип историзма и парадигмальный подход осуществляют важнейшую гносеологическую функцию, обеспечивая связь истории и теории (Будилова, 1969), вернее сказать, истории, методологии и теории.

Анализ отдельных точек зрения в проекции на исторический контекст возможен при соблюдении ряда принципов, таких как:

– определение общей проблемы;

– изучение авторской позиции с точки зрения общеметодологических принципов, которые при этом могут быть представлены имплицитно;

– выделение конкретно-научных методологических принципов. Общим итогом историко-психологического анализа должен стать *научно-категориальный анализ* психологического знания (Ярошевский, 1976), который позволит сопоставить функционально близкие, но все же неидентичные понятия и, в свою очередь, определит направление разработки собственной научной теории.

Проблема самоутверждения личности тоже имеет свою историю. Известны, например, взгляды А. Адлера на базовые потребности человека, одной из которых, как он полагал, является потребность в превосходстве, совершенстве, а в ее более зрелом варианте – в превосходстве над собой, идеи К. Левина об измерении степени трудности цели, обозначенной им термином уровень притязаний, проблема ассертивности в работах Р. Альберти, М. Эммонса и др.

Любая из перечисленных концепций, моделей прямо или косвенно относится к проблеме самоутверждения личности, но, скорее в аспекте ее постановки, нежели исследования, обоснования. Огюст Конт утверждал, что «каждая из наших главных идей, каждая из отраслей

нашего знания проходит последовательно три различных теоретических состояния: состояние теологическое, или фиктивное; состояние метафизическое, или абстрактное; состояние научное, или положительное» (Конт, 1899, с. 3). По-видимому, именно сейчас назрела актуальная необходимость в том, чтобы и проблема самоутверждения личности обрела подобное «положительное состояние».

История развития взглядов на самоутверждение личности представлена всего лишь несколькими крупными работами, которые относятся к разным парадигмам – психоанализу, гештальтпсихологии, гуманистической психологии и бихевиоризму. Отсюда следует, что изучаемая нами проблема имеет не частный, а общий (универсальный) характер, поскольку, несмотря на разные научные планы, может быть истолкована с позиции общеметодологических, конкретно-научных принципов и теоретических положений.

2.1. Психоаналитическая парадигма: постановка проблемы

Первые, наиболее систематические исследования проблемы самоутверждения личности были проведены в русле психоанализа.

Альфред Адлер – один из последователей Фрейда, заменивший в своих предпочтениях классическую теорию драйвов на теорию самоутверждения личности. Адлер известен своим интересом к проблеме неполноценности органов, которая, по существу, и стала тем запускающим механизмом, благодаря которому как бы сами собой появились остальные, аранжирующие ее феномены.

Идея неполноценности и компенсации стимулировала Адлера к созданию новой теории мотивации, где бы фигурировали не сексуальное желание и потребность в безопасности, а стремление к превосходству.

В истории науки проблема самоутверждения человека обсуждалась давно. Ее первыми исследователями были философы. Известны учение И. Канта об абсолютном достоинстве личности, об «умопостигаемом характере», о свободе; идеи А. Шопенгауэра о мировой воле; система взглядов Ф. Ницше о воле к власти, о сверхчеловеке. Но именно Адлер сделал удачную попытку создать, возможно, в какомто отношении и спорную, но законченную психологическую теорию самоутверждения личности.

А. Адлер был последователен в разработке собственной концепции, существенно дополняя, но кардинально не реконструируя ее. Подводя итог полутора десятилетиям своей психологической теории в целом, Адлер писал: «…Каждый шаг вперед логично вытекал из наших основных положений. До сих пор не возникало необходимости изменять что-либо в теоретических построениях или подпирать их положениями иного рода» (Адлер, 1997а, с. 28).

Выходом в 1912 г. книги «О нервическом характере» Адлер заявил о себе как самостоятельный исследователь, предметом интереса которого явилась «индивидуальная психология». Базовые положения этой работы основывались на более ранних исследованиях, результаты которых были опубликованы еще в 1907 г. в «Очерке о неполноценности органов».

Принимая некоторые положения концепции З. Фрейда, Адлер, тем не менее, сформулировал собственные принципы построения теории личности, которыми являются:

1. Холистические представления о личности.

2. Целевой детерминизм.

3. Активность личности, поведение которой побуждается стремлением к превосходству, совершенству.

4. Социальная природа человека.

Для нас существенно то, что Адлер стал рассматривать потребность в самоутверждении (в превосходстве, в признании) как сущностную потребность человека, изучение которой уже не могло оставаться на уровне идиографического толкования. Требовалась разработка универсальной психологической теории, которая и была создана. «Индивидуальная психология как наука развивалась из настойчивого стремления постичь таинственную творческую силу жизни, силу, которая воплощается в желании развития, борьбы, достижения превосходства и даже компенсации поражения в одной сфере стремлением к успеху в другой. Эта сила телеологическая, она проявляется в устремленности к цели, в которой все телесные и душевные движения производятся во взаимодействии» (Адлер, 1997б, с. 26–27). Более того, эта сила обеспечивает интегрированное единство личности, в котором одно и то же жизненное явление представлено в разных планах, например, в прошлом, настоящем и будущем.

Несмотря на верность Адлера своим идеям, его сущностные теоретические положения, например, положение о врожденном стремлении человека, постоянно пересматривались. Первоначально он исходил из того, что фундаментальной потребностью человека является стрем-

ление к агрессии. В 1908 г. в статье «Агрессивное влечение в жизни и в неврозе» Адлер утверждал, что с первых секунд жизни человек относится к окружающей среде враждебно. Именно поэтому, как считал Адлер, возникает необходимость ввести термин «агрессивный стимул», при этом он специально пояснил, что этот стимул не является чем-то узким, полностью замкнутым на определенной болезни человека, но принадлежит «к тотальной структуре, представляющей собой сверхорганизованное психологическое поле, в котором связаны все стимулы» (Ansbacher, Ansbacher, 1956, с. 34).

Положение об агрессивной направленности человека как его базовой потребности не получило подтверждения. Оно мало что объясняло и, скорее, само нуждалось в обосновании. Адлер стал рассматривать агрессию как частный случай более общей тенденции. Вслед за Ф. Ницше он назвал ее потребностью во власти, а позднее потребностью в превосходстве, совершенстве.

Одно из центральных положений теории Адлера – физическая неполноценность, которая выражается в наличии у человека телесного дефекта. Было замечено, что подобный дефект (врожденная слабость) в сочетании с потребностью в превосходстве «может стать импульсом к преодолению изначально тяжелой исходной ситуации» (Зеельманн, 2004, с. 47).

Обратившись к проблеме неполноценности органов (поначалу органов зрения), Адлер распространил свои взгляды на аномалии других органов, а затем на проблему слабости одного органа в сравнении с другим. Он стремился рассматривать неполноценность «без негативной оценки – как незрелость, изменение, задержку в развитии или росте органа…» (Зеельманн, 2004, с. 45).

Безусловной заслугой Адлера было развитие идеи о чувстве неполноценности, которое становится аранжировкой физического дефекта и стимулом личностного роста, и являет собой важнейший факт психической жизни человека. Умеренное чувство неполноценности стимулирует развитие человека, позволяя ему выбирать способы совершенствования – компенсацию, сверхкомпенсацию и проч. Сильное чувство неполноценности ограничивает возможности, лишает человека способности варьировать, управлять собой, активизировать собственные внутренние ресурсы. Последний путь – путь невротического развития, где потребность в самоутверждении проявляется как стремление к превосходству над людьми на фоне фрустрации собственной потребности в совершенствовании. Человек «становится *мелочным, ненасытным, бережливым*, старается расширить границы своего влияния и власти все дальше во времени и пространстве – и теряет при этом объективность и душевный покой, которым… прежде всего обязан своим психическим здоровьем и способностью к действию. Все больше поднимается в нем недоверие к себе и другим…» (Адлер, 1997а, с. 36). Потребность невротика в защите своего превосходства влияет так сильно, что каждое душевное состояние содержит в себе одно желание: освободиться от своей слабости, обрести уверенность, силу, любыми (даже самыми безнравственными) способами превзойти всех. Со временем формируются комплекс неполноценности и комплекс превосходства. Эти два комплекса естественным образом связаны между собой. Выявляя комплекс неполноценности, мы одновременно обнаруживаем комплекс превосходства, и наоборот, наблюдая у человека черты, указывающие на наличие комплекса превосходства, мы обнаруживаем более или менее скрытым комплекс неполноценности.

Итак, источником активности человека является его «неполноценность» или неудовлетворенность достигнутым. Адлер говорил: «Быть человеком – значит обладать чувством неполноценности; давление природы, жизненных тягот, жизни в обществе, бренности человека слишком сильно, чтобы кто бы то ни было сумел избавиться от этого чувства» (Адлер, 1997б, с. 215). В соответствии с принципом целевого детерминизма руководствуясь «фиктивной» (т. е. реально недостижимой) жизненной целью, человек всегда будет испытывать неудовлетворенность, и стремиться справиться с нею доступными ему способами.

Важным выводом, к которому приходит Адлер, является положение о том, что чувство неполноценности формируется на основе механизма «сравнения себя с другими», оценки способности «вписаться в общество, в котором он в данный момент находится». Данный аспект теории был заявлен как идея, и не был достаточно хорошо проработан. В авторской теории самоутверждения личности мы придали ему гораздо бóльший вес, чем это сделал Адлер.

Индивидуальными вариантами снижения чувства неполноценности являются сочетание чувства общности (или социального интереса) с жаждой личного превосходства. «Оба эти основных фактора проявляются как социальные образования, первый как врожденное, укрепляющее человеческую общность, второй как приобретенное, как вполне понятное желание использовать общность для достижения собственного превосходства… Его (человека. – *Н. Х.*) телесность требует от него единения; язык, мораль, эстетика и человеческая сопричастность являются реальными требованиями совместной человеческой жизни. Эти неразрывно связанные друг с другом реальности атакует или же пытается по-хитрому обойти стремление к личной власти» (Адлер, 1995, с. 17–18).

Самоутверждение по Адлеру существует в двух качественно различных видах. В одном результат фиктивен (иллюзорен) и значим только для данного субъекта, в другом, напротив, результат реален и социально значим. Самоутверждение первого типа характерно для невротиков. Оно предполагает, что человек вырабатывает в себе чувство (комплекс) превосходства, который может стать одним из способов избежать своих трудностей. Человек с комплексом неполноценности стремится казаться лучше, чем он есть на самом деле, и этот фальшивый успех компенсирует чувство неполноценности, ставшее для него невыносимым. У нормального человека комплекс превосходства отсутствует. Он удовлетворяет свои желания, участвуя в общественно полезных делах, его действия приносят пользу и его активность конструктивна. Комментируя Адлера, Курт Зеельман пишет: «Главное для человека – потребность в принадлежности к другим людям… Вместо стремления к самоутверждению, вместо честолюбивого желания превосходить других, ведущего лишь к усиленной конкуренции, мы должны говорить о стремлении к преодолению собственных недостатков и трудностей» (Зеельман, 2004, с. 49–50).

Так Адлеру удалось построить теорию самоутверждения личности, которая, с одной стороны, была логически стройной, единой конструкцией (отчасти это было результатом наличия в ней общих понятий, пронизывающих всю теоретическую структуру: «стремление к превосходству», «чувство неполноценности», «чувство общности» и т. д.), а с другой стороны, учитывала многообразие реально существующих и подчас столь непохожих друг на друга видов самоутверждения.

На этом открытия в области психоанализа, связанные с искомой проблемой, не были завершены. Сама постановка вопроса не вызывала особых возражений, менялась его суть. Исследователей не устраивала простая констатация связи между тремя феноменами – неполноценностью, социальным интересом и самоутверждением. Возникла потребность в раскрытии глубинных личностных механизмов, определяющих Эго-стратегии самоутверждающегося человека.

Следующей известной фигурой в психоанализе, занимавшейся проблемой идентичности, был *Эрик Эриксон*. Его эпигенетическая теория личности хорошо известна. Остановимся на некотором нюансе, который он обнаружил в ходе психотерапевтической работы и который имеет не только сугубо практическое значение, но важен и с теоретической точки зрения.

Речь идет, казалось бы, об обратном самоутверждению феномене, который называется сопротивлением идентичности. Согласно Эриксону, идентичность – это твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя. В процессе личностного роста или в ходе психотерапевтической работы представление о себе может меняться. Именно изменение представлений о себе, с нашей точки зрения, и обеспечивает основу самоутверждения личности. Однако про-

цесс изменения идентичности может вызывать не только позитивные, но и негативные чувства. В таких случаях клиент (человек вообще) испытывает страх личностного роста, сопровождаемый ощущением потери себя и тревогой поглощения другим человеком. В работе «Идентичность: юность и кризис» Эриксон, обобщая некоторые свои наблюдения, описывает феномен сопротивления идентичности, который является универсальной формой сопротивления. В своей обычной, неакцентуированной форме сопротивление идентичности проявляется в страхе пациента перед аналитиком, который в его представлениях обладает особой личностью, квалификацией, умом, прозорливостью и проч., и именно поэтому «может случайно или преднамеренно разрушить слабое ядро идентичности пациента и навязать тому свое собственное» (Эриксон, 1996б, с. 224). В подобных случаях пациент на протяжении всего курса психоанализа может или сопротивляться возможному вторжению в его идентичность ценностей психоаналитика; или интроецировать из идентичности психоаналитика больше, чем он может переработать; или он может прекратить посещать сеансы психоанализа и на всю жизнь остаться с чувством, что он не обрел чего-то существенного – того, что обязан был дать ему психоаналитик.

В особых случаях, при острой спутанности идентичности сопротивление становится основной и серьезной проблемой психотерапевтической работы. «В этих случаях пациент саботирует коммуникацию до тех пор, пока не примет решения о некоторых основных (пусть противоречивых) результатах. Пациент настаивает на том, чтобы психотерапевт принял его негативную идентичность как реальную и необходимую (такую, какова она есть или, скорее, какой была), не считая, что такая негативная идентичность – “это все, что в пациенте есть”» (там же, с. 225), а терапевт должен терпеливо доказывать, что он понимает пациента, сохраняя привязанность к нему. В этой цитате Эриксона сопротивление понимается как защитная мера против обид и, в конечном счете, против опасности дезинтеграции Я. На описательном уровне сопротивление идентичности и принцип безопасности сходны с нарциссической защитой. Такое сильное сопротивление идентичности встречается у тех пациентов, которые не признают себя больными и не хотят вылечиться.

Этот вроде бы не относящийся к нашей теме феномен сопротивления идентичности на самом деле имеет важное значение для понимания проблемы самоутверждения личности. Он означает нежелание кардинальных изменений ценности Я, стремление быть верным самому себе, даже если подобная преданность служит не во благо, а во вред человеку. Сопротивление идентичности основано на утверждении незыблемости своей личности, на принятии, быть может, малоэффективных, но ставших привычными способов функционирования. Думается, что тезис о самоутверждении через изменение ценности Я (в противовес сопротивлению идентичности) сближает две и так достаточно схожие темы – самоутверждение и самоактуализацию индивида. Постоянное определение и переопределение своей личности, а также ее утверждение, по-видимому, и представляет собой процесс самоактуализации. Сопротивление идентичности (при всей иллюзорности ощущения, что тем самым человек остается самим собой), наоборот, препятствует тому, чтобы субъект стал тем, кем он может быть.

«Сопротивление идентичности представляет собой вершину человеческой способности к самоутверждению любой ценой, даже ценой отрицания принципа биологического самосохранения. В определенный момент, хотя и несколько мимоходом, Фрейд… отнес к функциям Я не только *самосохранение*, как он делал ранее, но и самоутверждение (это различие пропало в «Стандартном издании», так как Стрэчи перевел оба немецких слова – Selbsterhaltung и Selbstbehauptung – как «самосохранение»). Наличие этого человеческого качества является непременным условием для тех, кто считает более значимым самоутверждение в достижении идеалов, сохранение собственной жизни или же самопожертвование ради доброго дела» (Томэ, Кэхеле, 1996б, с. 252). Самоутверждение такого рода основано на свободе личности, ее способности двигаться вперед и развиваться. В тех случаях, когда самоутверждение базируется

на сопротивлении идентичности, возникают серьезные основания предполагать, что индивид скорее зависим, чем свободен в своих решениях, поскольку переживает тревогу по поводу развития и изменения собственного Я.

Самоутверждение путем самоотрицания, о котором пойдет речь в следующих главах, и является, как нам думается, следствием сопротивления идентичности.

Другой способ самоутверждения личности – утверждение Я путем доминирования, описывается в литературе чаще. Связь самоутверждения и агрессии обоснована в работах *Харальда Шульц-Хенке* как одного из выдающихся представителей неопсихоанализа. Стоя на позициях классического психоанализа З. Фрейда, он тем не менее отказывался от теории либидо в пользу изучения автохтонных «догенитальных» переживаний, противопоставляя «сексуальным потребностям другие переживания побуждения». Он описывает интенциональные импульсы, ретентивные или анальные желания, переживание агрессивного побуждения, уретральное и сексуальное влечения. Именно агрессивное побуждение Шульц-Хенке соотносит со стремлением к самоутверждению.

Развитие ребенка и созревание его моторики обеспечивают ему возможность редукции напряжения. Оно происходит благодаря актуализации так называемого «моторного стремления к разрядке». Активные действия ребенка не всегда могут иметь позитивную направленность. Случайные, импульсивные движения нередко приводят к беспорядку, разрушениям. Поддержка близких способствует утверждению ребенком своего Я. В этом случае действия ребенка можно квалифицировать как агрессию, хотя на самом деле *«ad-gredi»* («агрессия» в переводе с латинского) означает всего лишь «движение к», т. е. приближение. Если же движение влечет за собой разрушение предмета, оно наносит ущерб, вред, *ad-gredi*становится агрессией в собственном смысле слова.

Если ребенку благодаря его моторным навыкам удается «разрушить» предмет, например, уронить башню, то он испытывает чувство триумфа. Если в ответ на свои действия он получает поддержку окружения, то чувство триумфа даже усиливается. Поэтому, согласно Шульцу-Хенке, возникает «естественная связь между *ad-gredi*, агрессией и стремлением к самоутверждению…» (Цандер, Цандер, 2002, с. 310). Это первое значение агрессивности расценивается совершенно нейтрально или даже позитивно: как радость, получаемая от активного вмешательства, как ощущение собственной силы, способности влиять, воздействовать, быть свободным.

Считается, что только после переживания «деструктивного» триумфа ребенок начинает созидать, получать удовольствие от успеха, радость от труда, умения добиваться цели, действовать. «Радость от труда вполне можно считать эквивалентом позитивной агрессии, и в свою очередь здесь нетрудно установить связь со стремлением к самоутверждению» (Цандер, Цандер, 2002, с. 310).

Опыт разрушения, который, по словам Шульца-Хенке, создает у человека ощущение собственной силы, значимости, уверенности в успехе, и утверждается окружением, является позитивным фактором в становлении противоположного по знаку действия – созидания. Человек, который в детстве не переживал ощущения триумфа, не будет иметь соответствующих установок, необходимых ему для утверждения себя среди других людей.

Безусловно, важно, чтобы ребенок в это время получал поддержку своих действий со стороны окружающих. Вследствие такой поддержки он приобретает ощущение того, что его ценят другие, чувство собственной значимости.

Для успешного функционирования личности это чувство признания является важнейшим компонентом переживания в целом. По словам Шульц-Хенке, *ad-gredi*, агрессия и признание составляют единое целое, а потому к понятию переживания агрессивного побуждения добавляется также термин «стремление к самоутверждению». Шульц-Хенке указывает на то, что в стремлении к самоутверждению ребенка преобладает моторно-экспансивный элемент.

Чем старше становится человек, тем реже он ведет себя моторно-экспансивно. «Вместо этого на передний план выступают элементы внутренней установки, которые в сочетании со спокойным поведением обеспечивают самоутверждение на долгое время. Если в той или иной степени оно оказывается успешным, то постепенно развивается установка, которую лучше всего охарактеризовать словом ”достоинство”» (Цандер, Цандер, 2002, с. 321).

Благодаря работам Альфреда Адлера, Эрика Эриксона и Харальда Шульц-Хенке самоутверждение стали рассматривать как потребность в признании личности окружающими ее людьми, как ощущение своего человеческого достоинства. Самоутверждение обнаруживается в самых разных проявлениях или стратегиях, которыми являются самоотрицание, основанное на сопротивлении идентичности, *ad-gredi*, вызванное активной реакцией приближения, и агрессия как ощущение собственной силы в результате нанесения ущерба другому. Различия в стратегиях самоутверждения личности обусловлены опытом взросления ребенка в целом, и опытом его взаимодействия с родителями, в частности.

Развитие ребенка в терминах эмпатийных отношений с родителями (особенно с матерью) является областью интереса *Хайнца Кохута*.

Теория Хайнца Кохута во многом строится на его новом подходе к терапии, реконструирующем классическую технику. Особое внимание уделяется эмпатийным отношениям, устанавливаемым между аналитиком и клиентом. Эти отношения позволяют восполнить дефицитарность Я, вызванную отсутствием эмпатического резонанса в ранних детско-родительских отношениях.

Прямого указания на проблему самоутверждения личности Х. Кохут не делал, однако его идеи относительно развития Я при анализе комплексных взаимоотношений ребенка с родителями существенно обогащают теорию самоутверждения личности.

По Кохуту, чувство Я – это переживание полноты, нефрагментированности и связности самости. Это чувство реальности самости ведет и к субъективно ощущаемому благополучию, и улучшению функционирования. Нормальный нарциссизм проявляется в ощущении своего величия, совершенства и целостности. Это происходит в результате постепенного осознания реальных недостатков и ограничений самости вследствие «уменьшения влияния и силы грандиозных фантазий». Чувство Я и его регуляция выводится Кохутом из нарциссических Я-объектов, тогда как согласно Эриксону, например, чувство идентичности имеет психосоциальную природу.

Особая роль в построении личности высшего порядка отводится отношениям ребенка и матери. Способность матери к отзеркаливанию, создание эмпатического резонанса, «ликование матери как реакция на ребенка (называние его по имени, когда она получает удовольствие от того, что он рядом, и от того, что он делает) в соответствующей фазе подкрепляет развитие от аутоэротизма к нарциссизму – от стадии фрагментированной самости (стадии ядер самости) к стадии связной самости, – то есть способствует восприятию ребенком себя как физического и психического единства, обладающего связностью в пространстве и непрерывностью во времени» (Кохут, 2003, с. 136).

Оптимальные отношения с Я-объектами способствуют развитию нормальной идеализации объектов, заменяя ею переживания грандиозности идеализированных родительских имаго. «Такая идеализация в конечном итоге завершается – согласно терминологии Кохута – “преобразующей интернализацией” идеализированного Я-объекта в интрапсихическую структуру, порождающую Эго-идеал и способность Супер-Эго к идеализации, что сохраняет новый тип интернализованной регуляции самоуважения» (Кернберг, 2000, с. 232–233).

Кохут рассматривает человеческие отношения и жизненный цикл как историю бессознательных процессов поиска и нахождения объектов. Особая роль в этом процессе, как мы уже смогли заметить, отводится показу и отражению себя в глазах матери. По справедливому замечанию Е. Т. Соколовой и Е. П. Чечельницкой (2001), «значимые Другие в развитии личности

остаются, скорее, схематичными фигурами, важными только с точки зрения выполнения ими ролей: удовлетворение либо фрустрация нарциссических нужд» (с. 21), и рассматриваются в терминах «эмпатии», «отзеркаливания», «трансмутирующей интернализации».

Укрепление структуры Я не означает построение жестких границ между Я и объектами, достижение безусловной сепарации от них; скорее наоборот, оно означает бóльшую способность находить их и использовать.

Нарушения нормального развития личности могут быть вызваны утратой идеализированного родительского имаго вследствие реального отсутствия матери, или ее эмоционального дистанцирования от ребенка и т. д. Тогда, как утверждает Кохут, не происходит оптимальной интернализации, ребенок не формирует необходимой внутренней структуры и «его психика остается фиксированной на архаичном объекте самости, а его личность всю жизнь будет зависеть от определенных объектов, в чем можно усмотреть ярко выраженную форму объектного голода» (Кохут, 2003, с. 63). В этом случае в процессе психотерапевтической работы актуализируется так называемый идеализирующий перенос. *Идеализирующий перенос* – это, по Кохуту, терапевтическая активация всемогущего объекта (идеализированного родительского имаго).

Другие нарушения самоуважения связаны с формированием грандиозной самости. На начальных стадиях развития ребенок может воспринимать Я-объекты как продолжение своего собственного величия. «Если же оптимальное развитие и интеграция грандиозной самости наталкиваются на препятствия, то эта психическая структура может отщепиться от реальности Эго и/или отделиться от нее с помощью вытеснения. Она становится недоступной внешнему влиянию, но сохраняется в своей архаичной форме» (Кохут, 2003, с. 126). В психотерапевтической ситуации переживания собственной грандиозности проявляются в зеркальном переносе. Кохут выделял три формы зеркального переноса: зеркальный перенос в узком значении слова, перенос по типу второго Я, или близнецовый перенос, перенос путем слияния или поглощения.

Менее архаичным является *зеркальный перенос в узком значении термина*. В этом случае пациент воспринимает аналитика как отдельного человека, но ценного только в той мере, в какой он нужен для удовлетворения собственных амбиций и величия клиента. «В этом узком значении слова зеркальный перенос представляет собой терапевтическое восстановление нормальной фазы развития грандиозной самости, в которой свет в глазах матери, зеркально отражающий проявление детского эксгибиционизма, и другие формы материнского участия и отклика на нарциссические эксгибиционистское наслаждение ребенка укрепляют его самооценку, а постепенно возрастающая избирательность этих ответов начинает направлять ее в реалистическое русло» (Кохут, 2003, с. 134).

Другой формой зеркального переноса является *перенос типа второго Я,* или *близнецовый перенос*. В этом случае объект воспринимается как «тождественный грандиозной самости или очень похожий на него».

Самым архаичным является перенос посредством *расширения самости*. В этом случае «аналитик воспринимается как расширение грандиозной самости, и к нему относятся лишь как к носителю грандиозности и эксгибиционизма грандиозной самости анализанда, а также конфликтов, напряжений и защит, вызванных этими проявлениями активированной нарциссической структуры» (Кохут, 2003, с. 132). Иными словами, это перенос по типу поглощения.

Начав свои исследования с патологических проявлений нарциссической позиции личности, которая, как мы и говорили, вызвана недостатком эмпатии матери и проявляется в фиксации на стадии архаичного инфантильного грандиозного Я, а также в бесконечном поиске идеализированных Я-объектов, Кохут стал рассматривать любого человека с позиции самоуважения и наличия чувства Я и отмечать, что стремление к самоуважению, чувство связанности и непрерывности самости являются показателями нормально функционирующей личности. Психологическая защита получила новое назначение. Теперь это не только средство против

тревоги, вызванной Ид, Эго и Супер-Эго, но и способ поддержания непротиворечивого позитивного чувства собственного Я.

Общетеоретический подход к личности определил основную цель психотерапевтического процесса. Она состояла в том, чтобы показать пациенту, что «поддерживающее эхо эмпатического резонанса в этом мире действительно есть».

Критические оценки теории Я Кохута касаются, во-первых, интерпретации развития исключительно в терминах внутриличностной динамики отношений, которые складываются между Эго и Я-объектами, во-вторых, подчеркивания деструктивной роли родителей в процессе развития ребенка, в-третьих, разделения (нарциссического) процесса формирования Я и (инстинктивных) объектных отношений. По поводу последнего замечания Отто Кернберг сказал следующее: «Я считаю, что развитие нормального и патологического нарциссизма всегда включает в себя взаимоотношения Я-репрезентаций с объект-репрезентациями и с внешними объектами, а также конфликты инстинктов, в которых участвуют как либидо, так и агрессия» (Кернберг, 2000, с. 239).

Основная заслуга психоаналитиков – представителей разных направлений: индивидуальной психологии, психологии Я, неопсихоанализа – состояла в том, что они впервые сформулировали *проблему* самоутверждения личности, найдя для нее достойное место среди других проблем, которыми занимается глубинная психология. Общими принципами, на которых строились анализируемые теории, были принцип целостности, целевой регуляции поведения и активности личности. Однако «системность», которая исходно заявлялась Адлером в качестве принципа исследования, говорившим, что нет понятия «отдельная личность», человека следует рассматривать во взаимоотношениях с другими людьми, не была в полной мере применена к его теоретическим построениям и эмпирическим выводам. Кроме того, идея целевой детерминации, которая, казалось бы, открывала путь к принципам системности и субъекта, по своим исходным признакам походила на причинную детерминацию, где основная жизненная цель была предопределена заранее и не осознавалась личностью.

В рамках психоаналитического подхода к проблеме самоутверждения личности был разработан ряд важных вопросов, в частности выдвинута идея стратегий самоутверждения личности, показано влияние самоуважения на отношения личности с другими людьми (например, с психотерапевтом), обосновано положение о роли родителей в формировании нормального нарциссизма.

При всем многообразии теорий и точек зрения можно сделать ряд общих выводов. Во-первых, самоутверждение личности представляет собой сложный комплекс когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций, и поэтому не сводится ни к моторно-экспансивным действиям самим по себе, ни только к чувствам (признания, достоинства, целостности), ни к когнициям. Во-вторых, самоутверждение личности определяется ощущением ценности собственного Я, его силы и значимости; в-третьих, самоутверждение личности осуществляется путем экстернализации своей ценности вовне с целью поиска одобрения и поддержки со стороны.

2.2. Гештальттеория личности: уровень притязаний и его измерение

В ходе последующего развития психологии анализ самоутверждения личности становится научным, строгим, освобождаясь от всякого рода обыденных представлений и умозрительных высказываний. Принципы целостности и целевой направленности личности были использованы не только А. Адлером, но и другими видными учеными, одним из которых был Курт Левин. С его именем связан качественно новый в гносеологическом отношении этап в развитии искомой проблемы. Новизна состояла в том, что феномен самоутверждения личности был подвергнут измерению, точнее сказать, измерена была одна из его существенных составляющих.

Этот факт, однако, не означает, что анализ был переведен из теоретической плоскости в эмпирическую. Напротив, новый уровень исследования стал возможен только благодаря существенному прогрессу в области теории, благодаря тому что Левин, приняв за образец такие авангардные науки, как математика и физика, разработал теоретическую систему, во-первых, более объемлющую (и к тому же более детализированную), чем адлеровская, во-вторых, математизированную. Основой фундаментальных теоретических инноваций послужили определенные методологические установки, которых придерживался Левин. «Он настаивал на том, что развитие психологии должно идти не по пути собирания эмпирических фактов… Решающей в науке является теория, но всякая теория должна быть подтверждена экспериментом. Не от эксперимента к теории, а от теории к эксперименту – вот генеральный путь научного анализа» (Зейгарник, 1981, с. 16). Суждения, высказанные Б. В. Зейгарник, были подтверждены другими исследователями, которые подчеркивали талант Левина как теоретика и экспериментатора, а также «каталитическое влияние» на многих психологов, никогда с ним лично не сотрудничавших. «Невозможно даже примерно оценить количество исследований, несущих отпечаток влияния Левина. Имя им – легион. Какова бы ни была судьба теории Левина в грядущие годы, данная им основа для экспериментальной работы – непреходящий вклад в наше знание о личности» (Холл, Линдсей, 1997, с. 383).

Свои принципы методологии науки, в частности психологии, Левин изложил в специальной статье «От аристотелевского к галилеевскому способу мышления в современной психологии». Здесь, прежде всего, обращает на себя внимание почти дословное воспроизведение адлеровского запрета на жесткие границы и антитезы в научной теории. Это «примитивное ориентирование в мире, соответствующее антитезе Аристотеля, а также *пифагорейским антагонистическим таблицам…* возникает из чувства неуверенности и представляет собой попросту трюк логики… В этом нельзя, как это ни заманчиво, усмотреть сущность истинного положения вещей, но можно распознать примитивный метод работы, такую форму мировоззрения, которая любой предмет, силу, событие соизмеряет с их аранжированными антитезами» (Адлер, 1997а, с. 60). Это – Адлер. Левин, точно так же оценив антитетизм Аристотеля, говорит, что в дальнейшем наука пошла по пути гомогенизации. «С этим тесно связана утрата логическими дихотомиями и концептуальными антитезами их значимости. Их место занимают все более и более текучие и постепенные переходы, которые лишают дихотомии их антитетического характера и представляют собой логическую форму переходного этапа от понятия о классе к понятию о последовательности» (Lewin, 1935, с. 100).

В связи с этим теории Адлера и Левина и вообще теории, построенные в соответствии с «галилеевским способом мышления», называют полевыми (field theories) в противоположность классическим теориям (class theories) (к их числу относят теорию З. Фрейда), построенным по «аристотелевским принципам». Для Адлера внутренний психический мир – нечто единое, принципиально недифференцируемое. Так, в ранний период своей исследовательской

деятельности он отрицал существование отдельных психических болезней как таковых и всегда подчеркивал целостный характер психического дефекта. «Мы… полагаем, что правы те, кто исходит из связного единства личности, а не естественно-научной закваски философы, привыкшие вырывать отдельные симптомы из общей картины… многим это может показаться странным, но судить о чем-либо можно не иначе, как только поняв сначала целое и проследив единую связь, проникающую во все части. И все симптомы должны быть звеньями этой единой линии действий, линии движений, единой личности…» (Адлер, 1995, с. 205–208).

У Левина и его учеников полевая идея оказывается не только постоянно подразумеваемой методологической предпосылкой, но и вполне эксплицитным теоретическим понятием и даже совокупностью понятий. Так, Левин назвал «полем» ту внешнюю (и внутреннюю) психологическую среду, в которой существует личность. Вместе с тем отсюда не следует, что последняя имеет какую-то принципиально иную природу. Напротив, для Левина, как для любого гештальтпсихолога, идея, согласно которой личность, внутренний психический мир человека является полевым (едиными и непрерывным) по своему характеру, была аксиомой, а вот объявление и доказательство того, что точно такой же характер и у внешней психологической среды, явилось научной инновацией.

Одним из основных средств реализации и конкретизации «полевой идеи» явилось понятие «проницаемости границ». Графическое изображение различных психических феноменов с непременным обозначением, проведением четких границ между ними очень характерно для Левина и его школы. Так, принято разграничивать личность и ее психологическую среду, а эту последнюю четко отделять от непсихологических аспектов мира (от физического мира). Однако при этом непременно подчеркивается, что между разграниченными областями существует постоянное взаимодействие, что границы проницаемы. Эта проницаемость варьируется по степени. Иногда она бывает лишь односторонней. Но при этом всегда, так или иначе, существует.

«Полевая идея» в высшей степени существенна для понимания левиновской теории самоутверждения. Строго говоря, исследование – особенно метризация – этого феномена осуществлялась не только и даже не столько самим Левином, сколько его учениками, поэтому дальнейший анализ будет относиться к *школе* Курта Левина.

Взаимоотношение между личностью и психологический средой, благодаря которому образуется жизненное пространство, далеко не всегда остается в состоянии равновесия. Выход за его пределы, причиной чего чаще всего становится сама личность, создает напряжение, в чем-то подобное адлеровскому чувству неполноценности. Но несмотря на то, что Левина и Адлера объединяло стремление к эксплицированию динамических сил личности, способствующих ее развитию, сил, актуализируемых самим субъектом, у адлеровского человека (даже у здорового, руководимого социальным интересом) чувство неполноценности, желание преодолеть его и сам процесс этого преодоления как бы замыкается на отдельной, к тому же довольно беспомощной личности. Левин же, во-первых, наделял личность бóльшей самостоятельностью, во-вторых, вполне допускал возможность помощи ей со стороны психологической среды. Одно из первых своих теоретических и эмпирических исследований Левин посвятил обоснованию положения, согласно которому главными побудителями человеческого поведения являются потребности (и, соответственно, мотивы и цели), а не ассоциации идей, как это считалось в ассоциативной психологии. Позднее феномен потребности в теории Левина обрел столь высокий статус, что превратился в основной элемент (факт) того поля, коим является личность. Подобно тому, как под непосредственно внешним для субъекта полем Левин понимал не физическую, а психологическую среду, так и здесь он имел в виду не биологические потребности, а психологические – напряжение, возникающее в субъекте, и стремление редуцировать его.

Поведение человека определяется его потребностями и целями. Уровень трудности выбираемой цели Левин назвал уровнем притязаний. Обнаружив, что этот уровень часто меня-

ется, Левин и его ученики достаточно много внимания уделили анализу этого процесса – его основных характеристик (реальной и идеальной целей, уровней ожидаемых достижений и т. д.) и факторов, определяющих его (ситуационных, культурных, индивидуальных). Иными словами, уровень притязаний человека исследовался как некая существеннейшая из его характеристик, влияющих на эффективность его поведения.

Имея в виду анализ уровня притязаний, Левин как-то заметил, что гештальтпсихология «экспериментально подтвердила правильность адлеровских взглядов». «Переживание успеха и неудачи, как правильно подчеркивает Адлер, оказывают весьма заметное воздействие на то, будет ли ребенок воодушевлен или обескуражен, а отсюда и на его дальнейшие достижения… Хоппе показал, что успех и неудача зависят от моментального "уровня притязаний" и что этот уровень притязаний в свою очередь связан со способностью индивида… несомненно уровень притязаний определяется *исключительно* способностью индивида. Однако вследствие требований со стороны взрослых или под влиянием успехов товарищей у ребенка может возникнуть такой уровень притязаний, который явно выше (или ниже) его реальных способностей. В результате может развиться чувство неполноценности (или превосходства)…» (Lewin, 1935, с. 100).

Подчеркивая связь понятия «уровень притязаний» с идеями Адлера, необходимо отметить, что Левин и его школа существенно продвинули вперед теоретические исследования самоутверждения, а главное – его эмпирическое исследование. Если у Адлера последнее в основном ограничивалось такой сравнительно пассивной формой, как наблюдение, причем проводившееся на качественном уровне, то теперь стала преобладать такая активная и значительно более эффективная форма, как эксперимент, к тому же выполняемый с установкой на количественный анализ. Левином и его учениками проводилось множество экспериментальных исследований (в частности таких феноменов, как психологическое насыщение, замещение реального действия воображаемым, уровень притязаний), направленных на проверку «общего постулата о динамике напряжений в психологическом поле».

Все это имело огромное практическое значение. Например, знание количественных показателей тех или иных особенностей личности позволяло осуществить не только диагноз, но и прогноз лечения.

Однако не менее важна и другая сторона дела: проводимые на базе предварительных теоретических предположений эксперименты иногда в свою очередь давали основу для формирования новых теоретических понятий и положений. Именно таким образом было установлено то, что можно назвать главным противоречием самоутверждения: «Основная проблема уровня притязаний может быть сформулирована как явное несоответствие между тенденцией устанавливать все более высокие цели (т. е. желанием связывать себя трудными обязательствами) и обычным представлением о том, что жизнь регулируется тенденцией избегать излишних усилий (принципом экономии)» (Lewin, Dembo, Festinger, Sears, 1945, с. 356–357).

Достижение слишком легких целей не вызывает у человека ощущение успеха. Однако в результате постепенного увеличения трудности целей это ощущение возникает и усиливается. Достигая уровня трудности, соответствующего способностям личности, субъект получает максимум удовлетворения от успешного выполнения задач. Выше находятся уровни, лежащие за пределами возможностей данной личности, а затем – и за пределами человеческих возможностей вообще. Для Левина вывод о предпочтении личностью тенденции выбирать более трудные цели был очень важным, поскольку объяснял те динамические силы, которые стимулируют развитие личности. Оказалось, что на эту тенденцию влияет большое количество факторов (прошлый опыт, групповые нормы, величина интервала между предыдущими достижениями и уровнем притязаний, реалистичность установок личности и т. п.).

На основе данных экспериментальных исследований стало возможным осуществить качественное деление субъектов и способов самоутверждения (в плане их тактики). «Инди-

вид, добивающийся успеха, обычно ставит в качестве своей следующей цели нечто несколько более высокое, чем его последнее достижение. Хотя в долговременной перспективе он руководствуется своей идеальной целью, которая может быть достаточно высокой, его реальная цель относительно следующего шага остается реалистически близкой к его настоящему положению. Напротив, индивид, не добивающийся успеха, имеет тенденцию к одной из двух реакций: он ставит себе очень низкую цель, часто более низкую, чем его прошлое достижение… или ставит цель, намного превышающую его возможности. Последний способ поведения более распространен. Иногда результатом оказывается то, что принятие высоких целей представляет собой просто жест без серьезного стремления к ним; в других случаях это может означать, что индивид слепо идет за своей идеальной целью, утрачивая способность видеть, что возможно в настоящей ситуации» (Lewin, 1942, с. 59).

Преуспевающая и неудачливая личности актуализируют разные стратегии самоутверждения личности. Интерпретируя Левина, можно сказать, что самоутверждение нормальной личности происходит благодаря умеренному, но постоянному повышению уровня притязаний, благодаря реальным достижениям личности; при игнорировании постепенности в этом процессе личность либо искусственно завышает свои притязания, одновременно завышая самооценку, самомнение, превознося себя над другими людьми, либо неоправданно занижает их, оценивая себя не очень высоко. На первый взгляд парадоксальным оказывается полученный Адлером и Левином вывод, что при нормальном самоутверждении (конструктивном по Адлеру), осуществляемом за счет конкретных достижений человека, стремление к превосходству над другими как бы оттесняется на второй план сознания. И наоборот, гипертрофия потребности в самоутверждении (уровня притязаний) – особенно при недостатке способностей – вызывает деформации в мотивационной сфере личности, где центральным становится желание человека доминировать над другими, подчинять себе, властвовать.

Главные достоинства левиновской психологии породили ее главные недостатки. Во-первых, включение теории самоутверждения в состав гораздо более обширной теоретической структуры дало ряд положительных результатов, в частности, позволило объяснить искомый феномен, определить его место в системе других психических явлений и т. д., и, в свою очередь, оградило Левина и его школу от искушения абсолютизации и универсализации самоутверждения. Однако это привело и к обратным эффектам – к его недооценке. Теория самоутверждения зачастую выступала лишь в качестве вспомогательного средства решения других проблем, явно считавшихся более важными (например, проблем взаимоотношения психологического поля – валентных объектов и личности, напряжений, возникающих между ними, потребностей человека и т. д.).

Во-вторых, увлечение количественным психологическим анализом, которое было едва ли не главной отличительной особенностью и главным источником достижений этой школы, иногда приводило к заметному отставанию, а порой и к полному отказу от качественного анализа. В интересующем нас отношении интерес к количественному анализу результатов сказался и на существенном сужении угла зрения исследователей. Основное внимание было уделено тому аспекту самоутверждения личности, который поддается измерению, т. е. уровню притязаний. Понятно, что при всей значимости этого аспекта, проблематика, связанная с ним, не исчерпывает собою всех сторон феномена самоутверждения личности.

Все эти недостатки оказались свойственны и последующим психологическим исследованиям проблемы самоутверждения личности.

2.3. Гуманистическая парадигма: потребность в признании и самоактуализация

Казалось бы, гуманистическая психология не придает существенного значения самоутверждению личности, уделяя внимание другим конструктам – самореализации и самоактуализации, и объясняя природу человека стремлением быть тем, кем он может быть. Однако более тщательное изучение литературы показало, что гуманистические психологи не только выделяют самоутверждение в отдельную проблему, но и специально занимаются ее изучением.

Как известно основными методологическими принципами гуманистической психологии являются:

– *Принцип развития,* который означает, что человек постоянно стремится к новым целям, самосовершенствованию благодаря наличию у него врожденных потребностей – стремления к самореализации, потребности в самоактуализации, желания осуществлять непрерывное поступательное развитие.

– *Принцип целостности,* позволяющий рассматривать личность как сложную открытую систему направленную на реализацию всех своих потенциалов.

– *Принцип гуманности,* означающий, что человек по своей природе является добрым и свободным, и только обстоятельства, препятствующие раскрытию его истинной сущности, делают его агрессивным и отчужденным.

– *Принцип целевого детерминизма,* предполагающий изучать особенности личности в аспекте ориентации человека на будущее, т. е. с точки зрения его ожиданий, целей и ценностей.

– *Принцип активности,* позволяющий принять субъекта как самостоятельно мыслящее и действующее существо, в жизни которого другой человек (например, психотерапевт) может играть роль поддерживающего, безусловно принимающего, создающего благоприятные условия для его развития. Психотерапевт изменяет установки клиента, помогает взять ответственность на себя, но при этом не учит и не наставляет.

– *Принцип неэкспериментального исследования личности* основан на идее целостности и, соответственно, невозможности адекватного изучения личности по отдельным фрагментам, поскольку система (а таковой и является личность) чаще всего обладает такими свойствами, которые не присущи ее отдельным частям.

– *Принцип репрезентативности* означает, что цель и объект исследования в гуманистической психологии совпадают, так как задача изучения нормально и полноценно функционирующего человека реализуется на выборке здоровых, самореализующихся личностей.

Согласно *Карлу Роджерсу,* индивид существует в постоянно изменяющемся мире, центром которого является он сам. Это индивидуальное пространство было названо им *феноменальным миром.* Он не является миром объектов и предметов, а включает в себя все, что чувствует человек независимо от того, осознанно или не осознанно это чувство. Осознание того или иного чувства получило название *символизации* объекта. В личностном мире индивида лишь небольшая его часть переживается сознательно, при этом одни содержания опыта легко оформляются в образы, а другие остаются невнятными основаниями нового опыта. Подлинный смысл индивидуального опыта известен только самому индивиду. Полное и непосредственное знание и проникновение в мир опыта возможно лишь потенциально.

Субъект взаимодействует с окружением так, как оно дано ему в опыте и восприятии. Именно сфера восприятия событий является реальной. Иными словами, человек реагирует не на какую-то абсолютную реальность, а на свое восприятие этой реальности.

В психологическом смысле реальность – это личный мир восприятий человека. В психотерапии изменение сферы восприятия, психической реальности приводит к изменению реак-

ций человека. Например, пока родитель воспринимается как доминирующий, реакции ребенка остаются соответствующими этому восприятию.

Субъект имеет одну основную тенденцию и стремление – *актуализировать*, сохранять и укреплять организм как средоточие опыта, развиваться в направлении зрелости. Личность движется в сторону большей независимости и ответственности, в сторону самоуправления, саморегуляции и автономии. «Понятие самоактуализации означает тенденцию организма вырастать из простого существа в сложное, продвигаться от зависимого существования к независимому, переходить от фиксации и ригидности к возможности изменения и свободе выражения. Понятие включает в себя стремление каждого человека удовлетворять потребности или снижать напряжение, но оно особенно подчеркивает те удовольствия и удовлетворенности, которые вызывает деятельность, способствующая росту организма» (Первин, Джон, 2000, с. 209).

Эта потребность в *самоактуализации* заложена в каждом человеке от рождения, однако воспитание и нормы, установленные обществом, принуждают его забыть о собственных чувствах и потребностях и принять ценности, навязанные другими. В этом отклонении и кроется источник аномалий поведения. Чем больше проявлений опыта доступны сознанию, тем больше у человека возможностей отразить общую картину своего феноменального мира в поведении; чем меньше защитных, искажающих содержание опыта представлений, тем адекватнее они выражаются в общении.

Операционализация данного конструкта – самоактуализация – была крайне затруднительна и не только для Роджерса, но все же именно он выделил такие ее показатели, как способность действовать независимо, уровень принятия себя, или уровень самооценки, принятие своей эмоциональной жизни и доверие в межличностных отношениях. Показатели по этим шкалам коррелируют с показателями здоровья и самооценки по другим опросникам.

К идее о стремлении к самоактуализации Роджерс пришел на основе своей работы с клиентами. Дополнительным источником принятия решения о единственно существующей силе, способной управлять человеком, был критический анализ исследования, проведенного Чарльзом Моррисом. В ходе опроса студентов из шести стран о предпочитаемом пути жизни были выделены пять измерений: предпочтение человеком ответственности, нравственности и сдержанного участия в жизни; удовлетворение от решительных действий в преодолении преград, инициативность в решении проблем; самодостаточность внутренней жизни, богатое и развитое самосознание; восприимчивость к людям и природе, наличие внешнего источника вдохновения; чувственное удовольствие и наслаждение, получение удовольствия от сиюминутных событий, открытость жизни без напряжения.

Роджерс, оценивая результаты исследования Морриса, выразил сомнение в универсальности этих жизненных целей: «В соответствии с моими наблюдениями в процессе психотерапии, когда люди борются за поиск своего собственного образа жизни, у них скорее всего возникают общие черты, которые любое определение, описанное Моррисом, не может полностью схватить» (Роджерс, 2002, с. 894–895).

Точка зрения самого К. Роджерса состояла в том, что основная жизненная цель прекрасно выражена словами Серена Кьеркегора о том, чтобы «быть тем Я, которое истинно». В практике работы с клиентами Роджерс обнаружил следующие особенности их поведения, которые и указывают на существование этой общей тенденции – самоактуализации.

Ими являются:

– тенденция ухода от того Я, которым клиент не является, названная стремлением «прочь от фасада»;

– отдаление от образа того, кем клиент «должен быть» («прочь от “должен”»);

– движение от общественных ожиданий («прочь от соответствия ожиданиям»);

– стремление быть собой («прочь от стремления угождать другим»). Одной из наиболее выраженных тенденций самоактуализации является стремление человека к независимости

как способности выбирать цели, к которым он *сам* хочет стремиться. Такая способность предполагает умение брать ответственность на себя и осуществлять самоуправление. Вторая особенность – чувствительность к процессу, изменениям и снижение потребности в борьбе «за результат и конечные состояния». Третья характеристика самоактуализации находит отражение в умении быть открытым к сложным и противоречивым чувствам, оценкам, действиям, избегая их частичного или защитного проявления. Эту тенденцию К. Роджерс обозначил как «движение к тому, чтобы становиться всей сложностью меняющегося Я в каждый значимый момент» (Роджерс, 2002, с. 902). Четвертая особенность – это открытость опыту, к «дружественному, близкому отношению» к нему. Описывая четвертую характеристику, Роджерс сравнивает свои взгляды с идеями Маслоу указывая на то, что они схожи, поскольку последний также утверждал, что «легкое вхождение в реальные чувства, их близость к принятию и спонтанности, свойственным животным и детям, подразумевает важность осознания собственных импульсов, стремлений, мнений и вообще всех субъективных реакций» (цит. по:

Роджерс, 2002, с. 904). Остальные особенности взаимно дополняют друг друга. Это – принятие других людей и доверие к своему Я.

Основанием невроза служит рассогласование, неконгруэнтность истинного содержания личности (опыта) и его «Я-концепции», самости, которое и приводит к фрустрации естественного стремления личности к самоактуализации. Преодоление этого рассогласования происходит путем интеграции, когда все сенсорные и внутренние переживания могут осознаваться посредством четкой символизации и организовываться в единую систему, внутренне совместимую со структурой самости и соотносимую с ней.

Итак, быть истинным Я, по Роджерсу – «это становиться самой ценной частью жизни человека, когда он сможет свободно двигаться в любом направлении. Это не просто интеллектуально ценностный набор, но, скорее всего, лучшее определение поискового, пробующего, нечеткого поведения, с помощью которого он, исследуя, движется к тому, кем действительно хочет быть» (Роджерс, 2002, с. 906).

Роджерс специально замечает, что быть собой вовсе не значит разрушить себя, выпустив на свободу внутреннего зверя. Истинный гнев не несет разрушений, искренний страх не поедает, а спонтанно обнаруживаемая лень и сексуальное желание не угнетают и не совращают человека. По-видимому, «причина заключается в том, что чем больше он может позволить своим чувствам течь и принадлежать ему, тем более соответствующие места они занимают в общей гармонии чувств… Когда он живет и принимает всю сложность своих чувств, тогда они действуют в созидательной гармонии, а не сбрасывают его на какой-нибудь неконтролируемый дурной путь» (Роджерс, 2002, с. 908).

Для *Абрахама Маслоу* быть самим собой тоже означает способность самоактуализироваться. «Термин “самоактуализация”, изобретенный Куртом Гольдштейном… употребляется в этой книге в несколько более узком, более специфичном значении. Говоря о самоактуализации, я имею в виду стремление человека к самовоплощению, к актуализации заложенных в нем потенций. Это стремление можно назвать стремлением к идиосинкразии, к идентичности» (Маслоу, 2001, с. 90). Книга, о которой идет речь – «Мотивация и личность» – посвящена динамическому подходу к мотивации, рассматривающему человека с точки зрения его непрерывного изменения и развития.

«Пиковым» переживанием личности является переживание своей самости, идентичности, цельности. Оно возникает при выраженной потребности человека самоактуализироваться, «понимаемой как непрерывная реализация потенциальных возможностей, способностей и талантов, как свершение своей миссии, или призвания, судьбы и т. п., как более полное познание и, стало быть, приятие своей собственной изначальной природы, как неустанное стремление к единству, интеграции, или внутренней синергии личности» (Маслоу, 1997, с. 90).

Самоактуализирующиеся люди – это здоровые личности. Они имеют общие черты, которые заключаются: в высшей степени восприятия реальности; в способности принимать себя и других людей такими, какие они есть; в повышенной спонтанности; в развитой способности концентрироваться на проблеме; в способности к автономии; в богатстве и естественности эмоциональных реакций; в часто возникающих «пиковых» переживаниях; в способности к общению с любым человеком; в демократичной структуре характера; в высоких творческих способностях и в изменениях в системе ценностей.

Самоактуализация – это отчасти теоретический, гипотетический конструкт. Прежде всего, как говорит сам Маслоу, потому что не много найдется людей, которые могли бы послужить образцами самоактуализирующейся личности. Так же как феномен фикционного финализма у Адлера, самоактуализация у Маслоу – это идеальная цель, которую, пожалуй, невозможно выразить в конкретных, операциональных единицах. Самоактуализация – это состояние души.

«В основании системы ценностей самоактуализирующегося человека лежит его философское отношение к жизни, его согласие с собой, со своей биологической природой, приятие социальной жизни и физической реальности» (Маслоу, 2001, с. 254). Ценности такого человека имеют ярко выраженную индивидуальную окраску. Они прямо не заимствованы из общественного сознания, не являются простой калькой хорошо нам известных нравственных постулатов и тем более не являются наследниками религиозных догм. Они представляют собой экспрессивный феномен, отражающий сущностные характеристики данной личности, ее самость.

Такие люди спонтанны в своих мыслях, чувствах, действиях, поэтому, само собой разумеется, что самоактуализация предполагает и *самореализацию*. Обычно последняя понимается как спонтанное раскрытие и приложение своих потенциальных возможностей. В свою очередь, самореализация обязательно предполагает наличие самоактуализации. Самореализация – это не только развитие своих способностей и талантов, но и поиск способов адекватного приложения собственных сил, умений, знаний, себя самого.

По мнению Маслоу, самоактуализация и есть потребность в саморазвитии, и в самовыражении, и в самовоплощении. Иными словами, все перечисленные нами особенности являются синонимами самоактуализации. По Маслоу – это родовое понятие, которое, если говорить о процедурных сторонах самоактуализации, будет «разложено» на отдельные составляющие: самораскрытие, самопонимание, самовыражение, самовоплощение и саморазвитие.

Самоутверждение личности рассматривается Маслоу как предтеча самоактуализации.

Всем хорошо известен принцип, согласно которому человек приходит к наивысшему стремлению, к самоактуализации. Этот принцип (в различных его модификациях) заключается в иерархии препотентности базовых потребностей. «В качестве главного динамического закона, приводящего в движение эту иерархию, мы выдвинули принцип актуализации потребностей более высоких уровней по мере удовлетворения потребностей более низких уровней. До тех пор, пока не удовлетворены физиологические потребности, именно они играют доминирующую роль в организме, именно им подчинены все его силы и способности, именно они организуют их и направляют к единственной цели – к удовлетворению. Но, получив удовлетворение, пусть даже не полное, эти потребности отступают на задний план, уступая место потребностям следующего уровня, и теперь уже эти, более высокие потребности доминируют в организме и руководят поведением человека (человек теперь стремится не к утолению голода, а к безопасности). Этот же принцип действует и в отношении других групп потребностей – потребностей в любви, в самоуважении и в самоактуализации» (Маслоу, 2001, с. 107).

Из перечисленных выше пяти уровней иерархии потребностей четвертый уровень представлен потребностью в самоуважении. Маслоу еще называет ее потребностью в признании. «Каждый человек (за редкими исключениями, связанными с патологией) постоянно нуждается в признании, в устойчивой и, как правило, высокой оценке собственных достоинств, каж-

дому из нас необходимы и уважение окружающих нас людей, и возможность уважать самого себя» (Маслоу, 2001, с. 88). Маслоу разделил потребности в признании на два класса: потребность в достижении (уверенности, независимости, свободе) и потребность в престиже (завоевании статуса, внимания, признания, славы).

Абрахам Маслоу относил потребность в уважении к наиболее высоким человеческим стремлениям, полагая, что ее удовлетворение связано с поддержанием уверенности человека в себе, силы, полезности, значимости. Два класса потребности в признании, с нашей точки зрения, указывают на разные пути ее удовлетворения. Один путь – собственные достижения, другой – завоевание престижа. И тот, и другой способствуют усилению или поддержанию чувства собственной ценности, однако каждый – разными способами. В первом случае путь достижения (конструктивного превосходства, по Адлеру) обеспечивает человеку переход к более высоким ценностям и потребностям – к самоактуализации, к стремлению быть тем, кем он может быть. Во втором – путь престижа, славы, стремления быть авторитетным создает впечатление получения общественного признания, которое не всегда соответствует истинному предназначению человека. Если они совпадают (статус и предназначение), то дорога к самоактуализации может быть открыта, если нет, то возможны серьезные препятствия на пути достижения внутреннего ощущения собственной компетентности. «Теологические дискуссии о гордости и гордыне, многочисленные теории глубинной диссоциации (или несоответствия собственной природе), выдержанные в духе философии Фромма, роджерсовские исследования «Я», работы таких эссеистов, как Эйн Рэнд… способствуют все более глубокому пониманию опасных последствий нереалистической самооценки – самооценки, построенной только на основании суждений окружающих и утратившей связь с реальными способностями, знаниями и умениями человека. Можно сказать, что самооценка лишь тогда будет устойчивой и здоровой, когда она вырастает из *заслуженного* уважения, а не из лести окружающих, не из факта известности или славы» (Маслоу, 2001, с. 89).

Удовлетворение потребности в признании, по Маслоу, последний шаг к потребности в самоактуализации. Видимо именно так и надо понимать степень сходства между различными «само»: самоутверждением, самореализацией, самоуважением, самоактуализацией и проч.

Вклад гуманистической психологии в развитие идеи самоутверждения личности состоит в том, что они расширили систему методологических принципов, рассматривая личность как субъекта собственной жизни, способную к самореализации и саморазвитию, раскрытию своей истинной природы. Особенность гуманистических психологов заключалась в придании положительного статуса искомой проблеме, в понимании самоутверждения как одной из базовых личностных потребностей, как основы самоактуализации личности. Потребность в признании получила разную трактовку в зависимости от уровня самоуважения, ценности и значимости личности.

2.4. Поведенческая психология: самоутверждение как умение

Ранее был отмечен ряд недостатков теории самоутверждения К. Левина – недостатков, знать которые необходимо не только из-за них самих, но и из-за тенденций в дальнейшем исследовании проблемы, которые были обусловлены ими. К сказанному выше можно добавить, что левиновская школа, а особенно инициированные ею направления дальнейших поисков страдали известным эмпиризмом. Так что далеко не на пустом месте в последние два десятилетия наметился довольно стойкий интерес к эмпирическому исследованию ситуационных характеристик самоутверждения. Его теоретической основой стали бихевиористические взгляды на социальные умения (social skills) (например, Research and Practice in Social Skills Training, 1979; Edelstein, Eisler, 1976; McFall, Twentyman, 1973) и управление впечатлением. При различии конкретных программ обозначилось, однако, общее направление в исследованиях социального умения, связанное с выделением его основных компонентов (т. е. с тем, что обычно принято обозначать как субстанциональный анализ) и разработкой соответствующих тренинговых процедур (т. е. с функциональным анализом).

Эти способы подхода к объекту (особенно субстанциональный) сравнительно просты и поверхностны. В принципе, конечно, они могут сочетаться с теми подходами, которые предполагают проникновение во внутренние структуры и глубинные сущностные характеристики изучаемого предмета. Однако это не обязательно. Сами по себе, автономно, субстанциональный и функциональный подходы, как правило, используются на ранних стадиях исследования объекта. Это вполне согласуется с тем, о чем мы сейчас говорим. Известно, что любая форма бихевиоризма основана на соблюдении «золотого правила» – оценивать и корректировать только то, что поддается наблюдению, и игнорировать такие феномены, как намерения, желания, мотивы, Я-концепция и т. д. В соответствии с этим общим положением бихевиоризма и интеракционизма и были выделены основные компоненты социального умения, в частности, умения управлять взглядом, тембром голоса, жестикуляцией и др. Правда, в целом социально зрелое поведение приходилось описывать более сложными категориями, такими как «социальная компетентность» (social competence), «эмпатия» (empathy) и «умение вести разговор» (conversational skill).

В этих исследованиях, помимо основных составляющих социального умения, анализируется и процесс овладения умением, который предполагает «способность индивида организовывать поведение в соответствии с правилами и целями, а также социальной обратной связью» (Trower, 1980). По мнению ряда авторов, процесс овладения умением протекает при сознательном контроле условий ситуации, при наличии внешней обратной связи и внутренних критериев, объективированных в желаемой цели субъекта. В особый конструкт – «self-monitoring» – было выделено умение хорошо адаптироваться к ситуации и действовать в соответствии с ее условиями и социальной ролью (Snyder, 1974). Оно описывается как способность быть готовым «к выражению и презентации себя другим людям… и использованию этого знания в качестве направляющего, обеспечивающего контроль за своим поведением и управление им» (Snyder, 1974, с. 528). Подобная способность свойственна людям, склонным варьировать свое поведение от ситуации к ситуации. Обычно «self-monitoring» анализируется в более общем контексте – в рамках проблемы управления впечатлением, т. е. вопроса о способности презентировать себя (свои цели) в наиболее выгодном свете с целью достижения оптимальных результатов.

Интеракционистский взгляд на межличностное общение и саморегуляцию (одним из механизмов которой является самоутверждение) сознательно ограничивается «объектив-

ными», а точнее сказать, внешними показателями; самыми «субъективными», личностными из них оказываются цель субъекта и уверенность в ее достижении.

Феномен уверенности в себе (assertion) в данном случае играет роль своеобразного аналога феномена самоутверждения, хотя, конечно, сами исходные принципы бихевиористической психологии не дают ей возможности сколько-нибудь глубоко проникнуть в суть этого сложного и фундаментального человеческого явления.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что этот интерес к проблеме самоутверждения в бихевиоризме вырос не из логики теоретических разработок проблемы (как это в значительной степени было у Левина) и даже не из ее эмпирического исследования, а из запросов психотерапевтической практики (как это в значительной степени было у Адлера). Создается впечатление, что в интересующем нас отношении логика психологического анализа напоминает если не круг, то спираль.

Следуя своей принципиальной установке не касаться высоких (и, по-видимому, глубоких) материй, бихевиористы не интересовались *причинами* неуверенного поведения. Они шли по пути его коррекции. Полагают, что первоначальная формулировка тренинга уверенности (своеобразного алгоритма уверенного поведения) была осуществлена Р. Альберти и М. Эммонсом (Alberti, Emmons, 1974) под влиянием идеи активизации человеческого потенциала и системы ценностей гуманистической психологии (персонологии). В основе этой формулировки лежали соображения Э. Солтера об условно-рефлекторной природе тревожности личности, изложенные им еще в 1949 г. Большое значение имели идеи Дж. Вольпе (Wolpe, 1958), который использовал конструкт «уверенность в себе» как показатель открытости личности в отношениях с другими людьми. Он связал низкую эффективность социального умения с высоким уровнем тревожности, который может быть понижен за счет овладения способами уверенного поведения. Вся поведенческая терапия строится на основе разработки социальных программ, обучающих навыкам уверенного поведения – умению выражать чувства, демонстрировать эмоции, высказывать критические мысли, обращаться с просьбой или отвечать отказом на необоснованную просьбу партнера по общению.

В разных исследованиях уверенность в себе терминологически фиксируется, а тем более характеризуется по-разному – как «социально приемлемое выражение своих прав и чувств» (Wolpe, Lazarus, 1966), «как способность к самовыражению» (Lieberman), «как привычка к эмоциональной свободе» (Lazarus, 1973) и т. д. А. Рич и Г. Шредер дают общее операциональное определение этого конструкта: «Уверенность в себе это – способность искать, поддерживать или усиливать подкрепление в межличностной ситуации благодаря выражению чувств или желаний, когда такое выражение связано с риском не только потерять поддержку, но и быть наказанным» (Rich, Schroeder, 1976, с. 1082).

Однако результатами эмпирических исследований оказываются не только терминологические инновации и достаточно общие характеристики рассматриваемого феномена, но и попытки типологизации как его самого, так и его свойств. К примеру, было предложено различать три класса проявлений уверенности в себе, а именно выражение положительных чувств, проявление негативных эмоций и умение отказывать в просьбе (Galassi, DeLeo, Galassi, Bastein, 1974). Описывая феномен уверенности в себе, А. Лазарус выделил четыре значимых фактора: способность сказать «нет»; способность призвать на помощь или обратиться с просьбой; способность выражать позитивные и негативные эмоции и чувства; способность начинать, продолжать или заканчивать разговор, т. е. умение инициировать общение (Lazarus, 1973).

Весьма широкое распространение получило дихотомическое деление индивидов на уверенных в себе и неуверенных. На первый взгляд это банальное обыденное деление. В действительности, дело обстоит не так просто. Исследователи, по меньшей мере, уточняют эти понятия, иногда же вносят и более серьезные изменения. «Быть уверенным в себе означает умение определить и выразить свои желания, потребности, любовь, нелюбовь и ожидания. Самое

уверенное поведение выражается в умении строить отношения в желаемом направлении… в умении обратиться… с просьбой или ответить отрицательно на… просьбу… Компонентами уверенного ответа могут быть поза тела, жесты, выражение лица, невербальные речевые характеристики и вербальное содержание ответа» (Рудестам, 1990, с. 292–294). Неуверенный человек испытывает серьезные трудности в общении, ибо предпочитает сдерживать свои «чувства вследствие тревоги, ощущения вины и недостаточных социальных умений. Агрессивный человек нарушает права других путем доминирования, унижения и оскорбления. Агрессивность не основывается на зрелом самоуважении и представляет собой попытку удовлетворить свои потребности за счет чужого самоуважения» (Рудестам, 1990, с. 294–295). В данном случае традиционная диада в конечном счете преобразуется в более сложное (триадическое) деление, включающее кроме уверенного и неуверенного типов еще и третий – агрессивный – тип человека. Отметим еще интересные соображения относительно круга условий (автор называет их «правами»), обеспечивающих эффективный характер уверенного поведения. Это: «право быть одному;

право быть независимым; право на успех; право быть выслушанным и принятым всерьез; право получать то, за что платишь; право иметь права, например, право действовать в манере уверенного человека; право отвечать отказом на просьбу, не чувствуя себя виноватым или эгоистичным; право просить то, чего хочешь; право делать ошибки и быть ответственным за них; право не быть напористым» (Kelly, 1970, с. 58–59).

На основе всех этих, а также многих других исследований был разработан ряд интересных экспериментальных и терапевтических методик: Wolpe-Lazarus Assertion Inventory (применяется в клинической психологии) (Wolpe, Lazarus, 1966); Action-Situation Inventory (ASI); Lawrence Assertion Inventory (Lawrence, 1970); Bates-Zimmerman Constriction Scale (предназначается для диагностики людей с низким уровнем уверенности в себе) (Bates, Zimmerman, 1971); Rathus Assertiveness Scale (позволяет измерять уверенность как личностную характеристику) (Rathus, 1973); College Self-Expression Scale (дает возможность различать положительное самоутверждение, отрицательное и поведение, направленное на самоотрицание) (Galassi, De-Leo и др., 1974); Gambrill Assertion Inventory (осуществляет анализ восьми параметров, а в их числе – умения отклонить просьбу, склонности к установлению социальных контактов, умения реагировать на критику, утверждения в «сервисных» ситуациях; позволяет получить информацию трех видов: о степени ощущения дискомфорта в специфических ситуациях, о способности проявлять положительные чувства, о ситуациях, в наибольшей степени провоцирующих проявление уверенности в себе) (Gambrill, Richey, 1975) и др.

По этим методикам проводится психокоррекционная работа, общей целью которой является повышение уверенности в себе и снятие агрессивных стереотипов поведения. Человек научается придавать своему поведению те свойства, которые представляют собой атрибуты уверенного поведения, – умение выражать свои чувства и мнения, как позитивного, так и негативного характера («Я не согласен с Вами», «Я хотел бы сейчас уйти», «Вы мне очень нравитесь»), умение управлять свой речью, выражением лица, жестикуляцией и т. д.

Если попытаться оценить отношение поведенческой психологии к проблеме самоутверждения личности, то надо сказать, что оно имеет как несомненные достоинства, так и несомненные дефекты.

Первые связаны с проведенным (и проводимым) эмпирическим моделированием и структурированием интересующего нас феномена. В результате этих исследовательских акций неопределенное и расплывчатое понятие преобразуется в операциональный конструкт, точнее сказать, в систему таких конструктов («умение отказывать в просьбе», «умение выражать положительные и отрицательные чувства и мысли (одобрение и критику)», «определение стратегии поведения в “сервисных” ситуациях», «инициация социального общения» и т. д.). Отсутствие или неразвитость того или иного умения приводит к снижению уверенности в себе.

Тренинг уверенности в себе помогает уменьшить или вовсе снять основные барьеры, препятствующие самоутверждению, за счет снижения тревоги в межличностных ситуациях (особо следует отметить эффективность метода систематической десенсибилизации, основанной на принципе реципрокного торможения) (Дж. Вольп).

Что же касается недостатков, то в конечном счете все они сводятся к одному – к переоценке эмпирических исследований и недооценке исследований теоретических. Правда, нельзя сказать, что здесь вообще нет никакого теоретического начала. Оно есть и состоит в создании концепции уверенности в себе. Однако она очень уязвима в ряде отношений.

Во-первых, она никак не может претендовать на роль *общей* теории самоутверждения, ибо отражает лишь некоторые его аспекты – те, которые проявляются только в социальном контакте и межличностном общении, а зачастую и еще более узко – в ситуациях дефицита или навязывания общения или отказа от него. Во-вторых, это довольно *поверхностная* теория, поскольку в ней оценивается чисто внешняя, поведенческая сторона самоутверждения и игнорируются более глубокие образования (мотивы, намерения, защитные механизмы, Я-концепция и др.). В-третьих, объектом этой теории является не только и даже не столько самоутверждение, сколько *самоотрицание* (отсутствие уверенности в себе).

Эти недостатки бихевиористической теории отразились и на эмпирии, и на психотерапевтической практике. Последние явно страдают узостью и поверхностностью. В самом деле, ведь в психотерапии главная установка делается не на *развитие* потенциалов человека, которое позволило бы пациенту вполне естественным путем обрести уверенность в себе, а на привитие его поведению атрибутов уверенности, причем в действительности прививаются не сами эти атрибуты, но лишь их внешние имитации. Тем самым случилось нечто совершенно парадоксальное: усиленное преувеличение роли эмпирического исследования и психотерапевтической практики, заданное в исходном бихевиористическом идеале, привело в конечном итоге к снижению их качества и роли.

2.5. Система категорий

История развития взглядов на феномен самоутверждения личности имеет особую специфику. Она связана с тем, что для описания и обозначения отдельных аспектов общего конструкта использовались самые разные понятия – потребность в превосходстве, потребность в признании, самоуважение, уровень притязаний, уверенность в себе, которые требуется рассмотреть как *систему* понятий, учитывая тот исторический контекст, в рамках которого они были предложены.

Категория *уверенность в себе* определялась как способность искать, поддерживать или усиливать подкрепление в межличностной ситуации благодаря выражению чувств и желаний, когда такое выражение связано с большой вероятностью потерять поддержку. Ею обозначили умение достойно выйти из проблемной ситуации (из ситуации риска), приняв правильное решение. Уверенность как утверждение себя указывала на активный характер действий, связанных со способностью прямо высказывать свои мысли и выражать свои чувства. В контексте поведенческой психологии понятие обозначало действие, навык, сформированный в процессе научения.

Как показали дальнейшие исследования, уверенность в себе[1] зависит не только от длительности и эффективности тренинга умений, но и от ряда личностных факторов, которые были обнаружены при измерении степени уверенности (калибровки уверенности) в своих сенсорных впечатлениях (Скотникова, 2003). Оказалось, что она одновременно зависит от характеристик предъявляемого стимула и от личностных особенностей (личностной уверенности) наблюдателя, в первую очередь, от мотивации достижения.

Итак, понятием «уверенность» обозначаются определенные действия субъекта (ментальные, моторные, вербальные), направленные на выбор и принятие решения. Она отражает только один из аспектов самоутверждения личности – выбор и осуществление действия, в свою очередь, имея отношение не только к уверенности человека в своей ценности (т. е. к самоутверждению), но и к уверенности во многих других явлениях (в другом человеке, в решении задачи, в правильности профессионального выбора, выбора партнера и проч.).

Уверенность в себе основана на *самоуважении*. По Х. Кохуту, оно связано с субъективно ощущаемым благополучием, с ощущением своего величия, совершенства и целостности, которое формируется в процессе осознания реальных недостатков и ограничений самости. В современных трактовках самоуважение определяется как степень собственной ценности (Ребер, 2000), операционально выражаясь в *уровне притязаний* (К. Левин). Можно сказать, что ощущение себя как некоторой ценности, значимости является основанием проявления уверенности в себе и совершения уверенных действий и поступков. Самоуважение определяется степенью осознанности Я, наличием границ, ощущением своего значения без особой озабоченности вопросами престижа и собственной уникальности. По словам Е. Т. Соколовой и Е. П. Чечельницкой (2001), преувеличение собственного значения, проявляющееся в ощущении грандиозности Я, поглощенности фантазиями о небывалом успехе, в убежденности собственной уникальности, в потребности в чрезмерном восхищении со стороны окружающих, в чувстве собственной избранности, в потребности в эксплуатации, в невозможности проявлять сочувствие, в выражении чувства зависти и высокомерия, самонадеянности и надменности, характеризует нарциссическое расстройство личности.

---

[1] В современной психологии этот термин используется достаточно широко при исследовании проблем выбора, решения задач, распознавания сигнала. Уверенность/сомнительность изучается как одна из «переменных субъекта» в психофизике, как внутренняя обратная связь, определяющая готовность человека к приему информации (Скотникова, 2002, 2003).

Степень самоуважения влияет на силу потребности в *превосходстве* и *признании.* Обе эти потребности связаны с наличием высокого уровня собственной значимости, раскрывая только одну сторону феномена самоутверждения личности, обнаруживаемую с нарциссических установках. Две другие стороны – конструктивное самоутверждение (по Адлеру) и сопротивление идентичности (по Эриксону) – практически не исследовались, хотя в единстве с потребностью в превосходстве и признании позволяют представить самоутверждение как одну из фундаментальных психологических особенностей личности, проявляющуюся в потребности открытия, определения и упрочения ценности собственного Я.

Научно-категориальный анализ понятий, применяемых в истории психологии для описания феномена самоутверждения личности, показал гетерохронность исследования отдельных аспектов проблемы, усиление внимания к гипер-потребности в самоутверждении и недостаточность изучения конструктивной и неуверенной стратегий, а также смещение интереса в сторону реализации утверждения Я, проявляющейся на поведенческом уровне.

Разработка теории самоутверждения личности требует проведения научно-категориального анализа понятий, близких по своему значению к категории самоутверждения личности в целях их дифференциации. Такими понятиями являются самоопределение, самопредъявление, самораскрытие, самовыражение, самореализация, самоактуализация. Все они обозначают отдельные стороны самосознания (Чеснокова, 1977; Соколова, 1989; Столин, 1983) и самопознания (Знаков, Павлюченко, 2002) личности. Надо сказать, что в ряде случаев эти термины используются как синонимы и специальных различий между ними не проводится. Однако, с нашей точки зрения, их необходимо различать.

2.5.1. Самопредъявление, самораскрытие, самовыражение и самоопределение

Самопредъявление – один из механизмов саморегуляции личности и регуляции межличностных отношений, который стал интенсивно исследоваться в работах интеракционистов (Ч. Кули, Дж. Мид). Наиболее активно и целенаправленно эта проблема разрабатывается в 80-х годах XX в. Самопредъявление описывается как способность человека быть готовым к «выражению, а также презентации себя другим людям… и использованию этих знаний в качестве своего рода направляющих, обеспечивающих контроль за собственным поведением и его управлением» (Snyder, 1974, с. 528). До 1980-х годов механизмы «управления впечатлением» учитывались только в плане их негативного влияния на взаимодействие людей, поскольку считалось, что актуализация подобных механизмов приводит к систематическим ошибкам в эмпирических исследованиях проблемы межличностного общения. Позднее, благодаря целому ряду работ (Schlenker, 1980; Buss, Briggs, 1984; Tetlock, Manstead, 1985; Arkin, Baumgardner, 1986; Baumeister, 1986; Schlenker, Weigold, 1992), эта проблема становится столь же актуальной, как и агрессия, совладающее поведение, невербальное общение и многие др.

Некоторые авторы считают «управление впечатлением» универсальным механизмом, являющимся частью любого процесса межличностного общения, необходимого для достижения человеком определенных жизненных целей (Goffman, 1959; Schlenker, 1980). Это своеобразная инструментальная характеристика личности, позволяющая ей оценивать особенности ситуации и другой личности (группы людей), для того чтобы правильно преподносить информацию о себе и добиваться определенного эффекта.

Другая позиция основана на оценке «управления впечатлением» как специфического механизма, запускающегося в особых условиях у людей определенного склада характера (Buss, Briggs, 1984; Snyder, 1974). Согласно этой точке зрения, самопредъявление тесно связано с мотивами лжи и обмана, с тенденцией манипулировать другими людьми для оптимально успешного и быстрого достижения поставленных целей.

Какую бы точку зрения мы ни рассматривали, следует учитывать, что в основе этого процесса лежат определенные мотивы личности и ее представления о своей идентичности, об идентичности партнера по общению, а также представления о том, каким образом осуществлять контроль информации о некотором объекте манипуляции или субъекте взаимодействия.

Несмотря на различия в мотивах, побуждающих человека к осуществлению «управления впечатлением», последнее имеет вполне определенные цели и стадии, поскольку является одним из механизмов самопредъявления. Оно побуждается мотивацией, смысл которой состоит в повышении самооценки, или избегании противоречий между реальным и идеальным Я, или в «ожидании подтверждения правильности установок на себя от других людей», либо в «желании осуществлять обратную связь для диагностики свойств, присущих личности». Стадии процесса самопредъявления можно представить следующим образом: возникновение мотивации, актуализирующей механизм самопредъявления; осознание личностью своей идентичности; формирование репрезентаций о партнере по общению; «искажение» информации о себе и «манипуляция аудиторией» с целью снижения уровня активации, побуждения. С нашей точки зрения, основной акцент при анализе самопредъявления делается на непосредственном изменении представлений о себе с целью «управления впечатлением», производимым на аудиторию.

Противоположным по значению и функциям является желание раскрыть (иногда даже излишне демонстративно) перед партнером своеобразие собственной личности, и тем самым опосредствованно влиять на динамику самооценки. Это процесс *самораскрытия.* Под самораскрытием понимается сообщение другим людям личной информации о себе, предъявление себя другим. В процессе самораскрытия человек улучшает стратегии межличностного общения, одновременно осуществляя познание себя как уникальной личности. В целом можно сказать, что «чем более выражено самораскрытие, тем меньше самопредъявление и наоборот» (Амяга, 1989, с. 13).

Самораскрытие нередко идентифицируют с самовыражением и именно потому, что оба процесса предполагают актуализацию проекции Я на какие-либо объекты реальности. Существенным отличием самораскрытия от самовыражения является, во-первых, обязательное наличие собеседника (реального или воображаемого), во-вторых, раскрытие своих намерений, потребностей и желаний. *Самовыражение* осуществляется в виде опосредствования, т. е. определения себя (Брушлинский, 2003) через продукты деятельности, общения, созерцания. Согласно К. А. Абульхановой-Славской (1991), «тот способ, которым человек реализует себя как личность в деятельности, в общении, в решении жизненных задач, и есть самовыражение» (с. 99). Если же ребенку навязывают свой способ опосредствования, то его «…лишают возможности своевременно и адекватно самовыразиться, самоутвердиться» (там же, с. 99).

Сопоставляя между собой механизмы самопредъявления, самораскрытия и самовыражения, мы обнаруживаем, что у них один информационный источник – знания человека о самом себе, но в первом случае эти знания часто сознательно искажаются для достижения некоторых прагматических целей, во втором случае они принимаются как таковые и правдоподобно (как правило, с помощью обычных языковых средств) открываются партнеру, а в третьем – осознаются и раскрываются с помощью механизмов обратной связи.

Самоопределение понимается как любая оценка, с помощью которой индивид получает информацию о себе (Ребер, 2000), или как сознательный акт выявления и утверждения собственной позиции в проблемных ситуациях (Петровский, Ярошевский, 1990).

В большинстве случаев самоопределение относится к процедурам поиска и нахождения своего места в социуме (А. В. Петровский, М. Р. Гинзбург, Н. С. Лейтес, В. Ф. Сафин, П. П. Соболь). Так, согласно А. В. Петровскому (1979), самоопределение представляет собой осознание личностью свободы действовать в соответствии с ценностями группы и в относительной независимости от воздействия группового давления, или даже свободы от самого себя (Буякас,

2002), а по мнению К. А. Абульхановой-Славской (1991) – осознание личностью своей позиции, которая формируется внутри координат системы отношений. Нередко его рассматривают как форму социализации или профессионального становления личности, либо считают синонимом или стороной самореализации.

Итак, самоопределение как категория обозначает место, осознанную позицию личности в социуме, «целостный процесс овладения субъектом личностно и социально значимыми сферами жизни соответственно поставленной цели, в которой он созидает себя, самореализуется и самоутверждается» (Сафин, 1986, с. 89).

Анализ показал, что в отличие от самопредъявления самораскрытие, самовыражение и самоопределение понимаются как процессы, с помощью которых личность осуществляет процесс самопознания: в самораскрытии – через отношение к ней другого человека, в самовыражении – через продукты взаимодействия и деятельности, в самоопределении – посредством установления социальной позиции. Предметом самораскрытия являются потребности и мотивы, предметом самовыражения – достижения, предметом самоопределения – социальные роли.

2.5.2. Самореализация, самоактуализация и самоутверждение

Три процесса – самораскрытие, самовыражение и самоопределение обеспечивают процесс познания себя и дают начало двум другим процессам – самореализации и самоутверждению. По словам К. А. Абульхановой-Славской (1991), источником активности становится гармоничное соотношение выбранной социальной роли своей внутренней позиции, своему Я. «Так, осуществляясь личностью в действенном плане жизни, активность приобретает форму самореализации, во временно́м плане – форму актуализации своих действий, т. е. саморегуляции, в ценностном плане – форму самовыражения (самолюбия) как проявления своего ”я“ в жизни» (Абульханова-Славская, 1991, с. 125).

Довольно часто *самореализация* рассматривается в связи с проблемой раскрытия собственных потенциалов, возможностей, развития задатков (Попова, 1996; Зотов, 1997) в профессиональной деятельности (Воломеев, 1998). В модели А. Маслоу самореализация трактуется как поступательное движение к самоактуализации.

Ни одна другая категория не имеет такого большого разброса в определениях, как самореализация, которую понимают и как самовыражение, и как самоутверждение, и как аналог саморазвития. С нашей точки зрения, самореализуемость оценивается в том, насколько человек ощущает себя состоявшимся в проекции на определенный временной интервал (возраст). Предметом реализации являются дарования, способности и таланты. Любой человек обладает теми или иными способностями, значит, и самореализация может трактоваться как универсальный психический феномен.

Самоутверждение определяется нами как убежденность человека в том, что он чего-то стоит, что он обладает определенной ценностью, и эта ценность – его собственное Я, его идентичность. Это то, что в данный период времени индивид считает своим, что он ассоциирует с собой, и что обнаруживается путем самоощущений. Ценность Я – очень подвижный конструкт, его содержание меняется в зависимости от многих факторов, но, по-видимому, самый существенный из них это – изменение ценности Я с возрастом, вследствие решения человеком возрастных задач, принятия новых социальных требований. Изменение ценности стимулирует человека к ее утверждению, которое и создает убежденность в силе собственного Я. Именно поэтому наиболее распространенным определением самоутверждения личности является его понимание как стремления человека к высокой оценке и самооценке своей личности, и вызванное этим стремлением поведение.

И самореализация, и самоутверждение – это механизмы развития личности. Предметом первого являются способности и дарования, а предметом второго – ценность собствен-

ного Я. В реальной жизни бывает трудно отличить самореализацию от самоутверждения, хотя понятно, что самореализация будет обнаруживаться в ощущениях собственной компетентности, а самоутверждение – в ощущениях собственной значимости. Различия между самоутверждением и самореализацией не исключают их единства, которое обнаруживается только тогда, когда человек достиг потребности в *самоактуализации*. Любое определение самоактуализации обязательно предполагает и самореализацию, и самоутверждение, поскольку это – «стремление актуализировать, сохранять и расширять самого себя» (Первин, Джон, 2000, с. 209).

Глава 3.
Теория самоутверждения личности

Историко-психологический анализ самоутверждения личности выявил несоответствие между степенью фундаментальности поставленной проблемы и уровнем ее разработанности. По существу, был исследован лишь один, функциональный, аспект проблемы, и то не полностью, а в некотором усеченном виде. Вследствие этого под самоутверждением стали понимать стремление к превосходству, интерес к проблемам престижа, болезненное самолюбие и безмерное самолюбование.

Подобные акценты сохранились и в отечественной науке (преимущественно в философии и психологии), тесно соединившей самоутверждение личности с безнравственностью, корыстью, индивидуализмом (Цыбра, 1989), со стремлением завоевывать социальные позиции, с «борьбой за статус» (Кузьменков, 1972).

В специальных (и практически единичных) исследованиях, посвященных анализу работ А. Адлера, не всегда правильно считается, что, изучая стремление к превосходству, Адлер соотносил его «с такими личностными чертами, как, с одной стороны, властолюбие, напористость, дух противоречия, заносчивость, а, с другой – покорность, послушание, завистливость, злорадство, скромность» (Розов, 1993, с. 135). А. И. Розов (И. М. Розетт) критически оценивает мнение, согласно которому в ряде работ стремление к превосходству определяется как влечение к самореализации, к завершенности и совершенствованию. Потребность в превосходстве, согласно А. И. Розову, реальна и повсеместна, она может побуждать личность к деятельности, актуализировать в ней настойчивость и упорство в преодолении трудностей, при этом она является «благодатной почвой для развития предосудительных мотивов, порождающих… отрицательные свойства личности… карьеризм (подлость, угодничество, беспринципность), честолюбие (эгоизм, самонадеянность, высокомерие), властолюбие (коварство, невосприимчивость к критике, чувство вседозволенности, неразборчивость в средствах, подозрительность, деспотизм, жестокость)…» (Розов, 1993, с. 139). Автор утверждает, что нельзя игнорировать столь могучее влечение, природную движущую силу, которая вряд ли «побуждается высокими этическими идеалами», являясь «отрицательным мотивом». Надо научиться подчинять его волевому контролю, уметь осознавать свои потребности, стремиться к «достижению превосходства над своим прошлым». Заключительные слова статьи, по существу, опровергают мнение самого А. И. Розова, что превосходство может быть исключительно негативным, разрушительным и безнравственным.

На самом деле приписывание какой-либо потребности «нравственности» или «безнравственности» не позволяет выявить ее сущность и требует специальных разъяснений. Именно поэтому понятие «самоутверждение личности» все чаще стали употреблять без оценочных комментариев, полагая, что оно обозначает устремленность индивида на удовлетворение наиболее значимых фундаментальных потребностей (целей) личности, является атрибутом личности, «сущность которого состоит в борьбе человеческого индивида за свою общественную значимость в процессе реализации своих творческих сил, индивидуальности, своего “Я”» (Березин, 1973, с. 4–5).

Наряду с таким употреблением термина самоутверждение нередко ассоциируется с определенным жизненным этапом – подростковым периодом, и оценивается как специфическое явление, присущее этому возрасту (Психология подростка, 2002). Другим вариантом употребления понятия является его использование как синонима терминов «самовыражение» и «самореализация» (Сафин, 1986).

В целом сколько-нибудь подробный, систематический и целевой анализ проблемы самоутверждения личности в современной психологии практически не проводится.

Наличие существенных пробелов, рассогласований, противоречий в изучении вопроса, а также актуальная необходимость в проведении системного анализа феномена самоутверждения личности определили основные направления его дальнейшего исследования на уровне конкретно-научной методологии и уровне теории.

3.1. Конкретно-научная методология исследования: научный анализ проблемы

Для осуществления теоретического анализа проблемы и последующего построения концепции самоутверждения личности необходимо начать с конкретно-научной методологии. С этой целью были использованы общенаучные процедуры познания объекта исследования, которые направлены на решение следующих вопросов:

1. Из чего построено самоутверждение, из каких более простых составляющих, компонентов: *субстратный анализ;*

2. Обладает ли самоутверждение какими-либо особыми свойствами, атрибутами: *атрибутивный анализ;*

3. Каковы последствия самоутверждения для человека, т. е. в чем состоят функции и дисфункции этого акта: *функциональный анализ;*

4. Как, посредством каких связей и отношений, в каких последовательностях и порядках компоненты объединены в целое: *структурный анализ;*

5. Является ли самоутверждение личности процессом, который имеет свою историю развития: *генетический анализ.*

Прежде чем приступить к последовательному анализу проблемы, отметим, что выделение отдельных процедур (способов) научного познания психической реальности достаточно условно. Ведь «речь идет о характеристиках *одного и того же* объекта, т. е. о характеристиках, которые в силу этого простого факта неразрывно связаны друг с другом. Естественно, связаны и соответствующие способы анализа» (Никитин, 1988, с. 11). Так, изучение структуры предполагает тщательное исследование компонентов объекта и его функций, а последние постоянно подвергаются динамике, изменению и, следовательно, требуют подробного генетического анализа и т. д. Конкретно-научная методология исследования, построенная на соответствующих научных процедурах, создает базис для формулировки основных положений искомой теории, которые включают в себя представления о «неотъемлемых, имманентно присущих» изучаемому объекту свойствах (атрибутах), о компонентах (субстрате), о характере развития (генезе), о специфически оформленной организации (структуре) и о стабильных поведенческих действиях (функциях).

3.1.1. Субстратный анализ

В научной литературе синонимами термина «субстрат» обычно выступают «материал», «элементы», «компоненты», «содержание» и др. Соответственно, «субстратным является такое исследование, в котором предмет познания изучается со стороны его субстрата» (Никитин, 1981, с. 8). В своей монографии «Природа обоснования (субстратный анализ)» Е. П. Никитин пишет, что основная задача «субстратного анализа состоит в установлении относительно самостоятельных, целостных повторяющихся единиц субстрата – компонентов» (1981, с. 8), а также их сравнительная характеристика, которая предполагает выяснение вопроса о гомогенности или гетерогенности субстрата. Изучая природу обоснования, автор использует принципы традиционной логики, на которых строятся так называемые условные суждения. В условных суждениях более простые соотносятся между собой с помощью связки «если…, то». Два простых суждения называются: одно – условием (основанием), другое – следствием. Так, рассматривая процедуру «оценка», автор выделяет в ней два компонента – *предмет оценки* и *основание оценки*; в операции «интерпретация» также наблюдаются два компонента – *интерпретирующие сведения* и *интерпретируемые символы*; в экспериментальной проверке (под-

тверждении/опровержении) гипотезы обнаруживаются проверяемые *теоретические положения* и *эмпирические данные* и т. д.

Различные процедуры сознания унифицируются по субстрату, поскольку в каждой из них есть два компонента – активное начало (основание) и пассивное, страдательное начало – следствие или предмет. Первый компонент – это то, с помощью чего мы оцениваем, интерпретируем, подтверждаем (основание оценки, интерпретирующие сведения и эмпирические данные); второй – то, что мы оцениваем, интерпретируем, подтверждаем (предмет оценки, интерпретируемые символы и теоретические положения).

Подводя общий итог исследованию субстрата отдельных процедур сознания, Е. П. Никитин утверждает, что все они имеют два компонента – основание и обосновываемое и относятся к общей процедуре сознания, которая называется обоснованием.

Аналогичным образом в самоутверждении мы можем выделить два базовых компонента – *что* именно утверждается (*утверждаемое,* или предмет утверждения) и *чем* утверждается (*утверждающее,* или основание). Предметом самоутверждения является сам человек. И в ответ на вопрос о том, что человек утверждает, можно сказать – себя, а точнее, *себя как ценность*, значительность, значимость. Сейчас не важно, что ценность может быть истинной или ложной (искаженной), существенно, скорее всего, то, что эта ценность как нечто новое для человека должна быть подтверждена, должна быть как-то выражена.

Проблема ценности в психологии рассматривается как одна из самых мало разработанных. В статье «Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции» Д. А. Леонтьев (1996) пишет, что разнообразие определений понятия «ценность» объясняется его двойственностью. Ценность понимается и как атрибут, и как сам предмет («объекты имеют ценность или объекты являются ценностью»), как связанную с потребностью или достаточно независимую от нее смысловую единицу, как индивидуальное или надындивидуальное явление и т. д. Следует различать такие формы существования ценностей, как общественные идеалы, предметно воплощенные ценности и личностные ценности.

Как философская категория ценность означает, во-первых, положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта, в отличие от его экзистенциальных и качественных характеристик (предметные ценности), во-вторых, нормативную, предписательно-оценочную сторону явлений общественного сознания (субъективные ценности, или ценность сознания). К предметным ценностям относят, например, потребительную стоимость продуктов труда, культурное наследие прошлого, полезный эффект или теоретическое значение научной истины и т. д. К ценностям сознания относят общественные установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений (о добре и зле, справедливости, прекрасном и безобразном, о смысле истории и назначении человека, идеалы, нормы, принципы действия). Предметные ценности и ценности сознания – два полюса отношения человека к миру. Первые выступают как его объекты, взятые лишь в их субъективно-психологическом, аффективно-волютивном выражении, в виде устремлений, почитания, предпочтений, одобрения или осуждения, а вторые – как выражения того же отношения со стороны субъекта, в которых интересы и потребности переведены на язык идеального, мыслимого и представляемого. Предметные ценности являются объектами оценки и предписания, а субъективные – способом и критерием этих оценок (Дробницкий, 1967, 1977).

В социологии ценность определяется через понятие общественной значимости предмета и социальной установки и изучается через систему ценностных ориентацией, выполняющих регулятивно-нормативную функцию в поведении человека.

В психологии понятие ценности обретает специфику данной области знания, т. е. знания психологического, и определяет психологическую, субъективную значимость для человека каких-либо предметов, людей, отношений, принципов, идей. Ценность дается человеку в представлениях о себе, самоощущении и самоотношении, т. е. выражается в когнитивных,

эмоциональных и оценочных характеристиках. По мнению Р. Х. Шакурова (2003), ценности выступают одним из модусов понятия «значение» и выражают меру ограничения или свободного протекания жизнедеятельности субъекта, организма, личности в целом, выполняют жизнеутверждающую и мотивирующую функции. «Ценность объектов вырастает из эмоциональных реакций. Их ценные свойства познаются особым образом – в результате *специфического ценностного взаимодействия с объектом*» (Шакуров, 2003, с. 20).

Аналогичную позицию занимают и другие авторы, показывая, что основой потребностей может стать умение человека перенимать «от окружающих людей взгляд на нечто как на ценность» (Додонов, 1978, с. 12), однако обычно личностные ценности прямо не присваиваются субъектом, а проходят процесс утверждения (Буякас, Зевина, 1997) путем познания ценностных свойств объекта (Шакуров, 2003), практического включения в коллективную деятельность (Арутюнян, 1979), самораскрытия (Малисова, 1994), самоопределения (Будинайте, Корнилова, 1993).

М. М. Бахтин определял культурные ценности как «самоценности», считая, что «живому сознанию до́лжно приспособиться к ним, утвердить их для себя… Этим путем живое сознание становится культурным – воплощается в живом… Всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте» (Бахтин, 1986, с. 108–109).

Следует присоединиться к словам Т. М. Буякас и О. Г. Зевиной, которые специально подчеркивают, что «проблема “утверждения“ общечеловеческих ценностей в индивидуальном сознании относится к числу фундаментальных проблем человеческой экзистенции» (Буякас, Зевина, 1997, с. 45), а «личностными ценностями становятся те смыслы, по отношению к которым субъект самоопределился» (Будинайте, Корнилова, 1993, с. 99).

В контексте проблемы самоутверждения личности мы говорим об особой ценности – о *ценности Я*, или о самоценности. Психическое здоровье ассоциируется со способностью человека ощущать свою значимость.

Осознание и принятие своей значимости происходит через процессы опосредствования, проекции Я на другую ценность, сравнение с ней и интеграцию результата этого сравнения в Я. Ценность, с которой происходит сопоставление, и называется *утверждающим или средством самоутверждения*. Присваиваться, интегрироваться может Я, получившее переоценку через вещи, предметы неодушевленного мира, представляющие для человека ценность, других людей, свои достижения и способности, т. е. через себя самого. В типологии самоутверждений выделяется критерий, который называется *средством* самоутверждения. В соответствии с этим критерием самоутверждения делятся на два типа: внешнее и внутреннее.

Внешние самоутверждения достигаются за счет обладания приобретенными, пришедшими человеку извне, предметами. В роли таких предметов могут выступать практически любые вещи – от обычных предметов до драгоценностей, роскошных одежд, жилищ, автомобилей и т. п. Подобную роль нередко играют и одушевленные существа – животные, члены семьи, знакомые и т. п.

Во *внутренних* самоутверждениях средствами также могут быть самые различные вещи и одушевленные существа. Однако в данном случае они не приобретаются самоутверждающимся субъектом, не «отнимаются» им у окружающего мира, а, напротив, создаются (формируются) им путем реализации его внутренних способностей (каковы способности производить что-либо, воспитывать, обучать и т. д.) и «даруются» этому миру.

Внешнее самоутверждение позволяет осуществлять социальную адаптацию личности, а внутреннее – ее индивидуальную, самобытную реализацию и выражение. Неумеренное внешнее самоутверждение приводит к потере собственного Я, к формированию диффузной идентичности, к ощущению душевной пустоты. Нарушение баланса внешнее/внутреннее самоутверждение в сторону последнего снижает чувствительность личности к социальным ориентирам, делает затруднительным адекватный отклик на актуальные жизненные вопросы.

Ценность Я как предмет самоутверждения личности относится к группе так называемых субъективных ценностей, или ценностей сознания (О. Г. Дробницкий). Обладая всеми атрибутами этой группы, она, безусловно, отличается от остальных (так называемых культурных ценностей, ставших внутренним достоянием субъекта путем их утверждения) рядом признаков, в совокупности раскрывающих ее *сущность*.

Хорошо известно, что Я как отдельная инстанция формируется у ребенка приблизительно к трем годам. Правда, современные исследования в области Эго-психологии и психологии объектных отношений (М. Кляйн) оспаривают этот факт, показывая, что в структуре психического аппарата Я возникает намного раньше. И, тем не менее, рано или поздно появление отдельной инстанции, которая сразу же начинает приобретать ценностный характер, привлекает внимание многих исследователей, интересующихся проблемами самосознания личности.

Более ста лет назад К. Ясперс утверждал, что Я как результат процесса самосознания и самопознания может быть охарактеризовано согласно четырем признакам: активности, единства, идентичности Я, наличия границ между Я и не-Я. Раскрывая особенности каждого из этих признаков, он отмечал, что активность Я выражается в способности ребенка осознавать себя как инициативного деятеля, разумно замечая, что разнообразные действия и поступки продуцируются им самим; единство личности обнаруживается в степени интеграции идентичности, в способности осуществлять внутренний диалог, осознавая, что различные аспекты Я человека раскрывают многогранность его внутреннего мира, не вызывая при этом чувство фрагментированности, расщепленности личности. Идентичность проявляется в умении человека иерархически структурировать свои качества, выделяя в них неотъемлемо присущие ему свойства, устойчивость которых создает ощущение стабильности Я во времени – от прошлого к настоящему и будущему. Наличие границ между Я и не-Я переживается человеком как ощущение своей приватности (Нартова-Бочавер, 2005), индивидуальности и автономности, в которых раскрываются особенности человека как открытой и закрытой системы. Все перечисленные выше признаки обсуждаются не только в работах К. Ясперса, но и в современных исследованиях по проблемам личности.

Я как объект исследования представляет собой настолько широкое проблемное поле деятельности, что появление новых дискуссионных тем нередко перестраивает уже сложившуюся систему анализа и интерпретации теоретических и эмпирических данных. Наиболее острыми вопросами изучения феномена Я являются: проблема становления и генеза структуры Я в процессе взросления; адаптивные и дезадаптивные функции Я; конфликтная и неконфликтная сферы Я; проблема защитных механизмов – их классификации, функционального назначения, динамики в процессе жизни, связи с копинг-стратегиями, диагностики и критериальной значимости для определения уровня развития личности; когнитивное предназначение Я как функции познания окружающего мира с целью адаптации к нему; роль инстанции Я в осуществлении баланса между влечениями и нормативными установками; механизмы формирования Супер-Эго в процессе динамики Я; сепарационные процессы, направленные на отделение от интроецированных объектов, ставших внутренними и др. Многие из перечисленных выше проблем являются предметом исследования целых научных направлений, например Эго-психологии (Х. Гартманн, Э. Эриксон, М. Малер), теории объектных отношений (Х. Кохут, М. Кляйн), селф-психологии и др. Однако, несмотря на разнообразие исследовательских позиций и подходов, некоторые вопросы начинают занимать статус научного факта или аксиомы, достоверность которых, как считается, уже неразумно оспаривать или подвергать сомнению. В качестве такого научного факта можно упомянуть проблему защитных механизмов как способов редукции тревоги и поддержания самооценки, проблему идентичности личности как устойчивого комплекса индивидуальных черт, создающих ощущение стабильности Я во времени, проблему границ Я и не-Я, регулируемых с помощью механизмов приватизации и персонализации среды и многие другие.

Тем не менее, значительное количество вопросов все еще остается или мало изученными, или дискуссионными. К их числу относится проблема Я как особой ценности. Прежде чем переходить к существу обсуждаемой темы, хотелось бы специально подчеркнуть, что не следует путать и смешивать сугубо экзистенциальный и ценностный аспекты Я. К экзистенциальному аспекту относится то пространство реалий Я, которое всесторонне характеризует изучаемый феномен и раскрывает его сущность. В частности, это тот круг вопросов, который мы обсуждали выше. Ценностный аспект охватывает такие особенности и признаки, которые в процессе специальной процедуры утверждения становятся для человека особо значимыми. О них речь пойдет дальше. Безусловно, один аспект без другого не существует, однако все пространство экзистенциальных проявлений Я может и не стать предметом специальной процедуры – утверждения, и как следствие – ее результатом, т. е. ценностью.

Раскрывая содержание ценности Я, определяя ее сущность, остановимся на нескольких ключевых признаках изучаемого явления. Обратимся к таблице 3.1, в которой на основе шести выбранных нами критериев проведено сравнение предметных, субъективных ценностей и ценности Я, выделены их признаки.

Содержательный критерий позволяет определить онтологический статус ценности, ту предметную область, которой впоследствии придается особое значение; *структурный* – раскрывает природу явления, ставшего ценным с точки зрения простоты/сложности его организации, дифференцированности или недифференцированности; *функциональный* критерий выявляет целесообразный характер ценности, ее роль в жизнедеятельности человека; *генетический* – обнаруживает источник, причину образования ценности; *динамический* – определяет возможность ее генезиса, изменчивость/устойчивость ценности; *топологический* критерий задает пространственную отнесенность ценности к внешнему или внутреннему миру.

Таблица 3.1

Сравнение предметных, субъективных ценностей и ценности Я

Критерии	Признаки		
	Предметные ценности	**Субъективные ценности**	**Ценность Я**
Содержательный критерий	Объекты материального мира	Установки, влечения представления, прямо не соотносимые с Я	Атрибуты Я
Структурный критерий	Простые	Простые/сложные	Сложные
Функциональный критерий	Регуляция отношений с предметным и социальным миром	Регуляция и избирательность деятельности личности	Регуляция внутренних состояний и динамики личностного роста
Генетический критерий	Социальная форма овладения миром	Личностная форма овладения миром	Субъектная форма овладения миром
Динамический критерий	Устойчивы	Устойчивы	Изменчивы
Топологический критерий	Внешние	Внутренние как следствие интроекции внешнего	Внутренние как следствие экстернализации/интернализации

Сравнительный анализ трех групп ценностей, безусловно, имеет некоторые ограничения. Они касаются, прежде всего, применения структурного и динамического критериев для сравнения предметных и субъективных ценностей, которые под влиянием ряда факторов могут быть и сложными, и изменчивыми. Однако при сопоставлении этих групп явлений с ценностью Я следует признать, что она более сложна, дифференцированна и динамична.

Действительно, содержательной составляющей ценности Я являются (в отличие от субъективных ценностей) такие имплицитно присущие личности когнитивные, эмоциональные

и поведенческие особенности, которые человек рассматривает как исходно собственные. На самом деле определенная доля этих особенностей может формироваться (а скорее, просто проявляться) под влиянием значимого окружения, но по сравнению с субъективными ценностями, которые появляются вследствие идентификации, присвоения себе внешнего, природа содержания Я во многом сугубо аутентична.

Структурный анализ различных ценностей показывает, что предметные ценности появляются вследствие выделения из внешнего мира отдельных свойств объектов. Если же объектом интереса становится целостный предмет, то не всегда он представлен субъекту как некое сложное, дифференцированное единство. В отличие от предметных ценностей структурная организация Я сложна по определению, хотя в силу своей личностной организации (например, психотической, пограничной или невротической) субъект не всегда может отдавать себе в этом отчет. Сложно организован образ Я как когнитивный компонент Я-концепции, включающий в себя аспекты пола, возраста, социальных ролей, устойчивые мотивы, эмоциональные реакции, темпераментальные черты, образы значимых людей и т. д.; вариативны эмоциональный и поведенческий аспекты Я-концепции. Какие из этих сторон Я станут для личности ценными, зависит от функционального, генетического и динамического ориентиров, которые определяют характер, или тип ценности Я.

Можно выделить три типа ценности Я: целостный, дифференцированный и интегрированный. Для *целостного типа* свойственно воспринимать себя как неделимое Я, содержание и структура которого довольно просты. Обычно содержательной стороной такого Я становится представление о себе как о человеке определенного возраста, пола и социального статуса; функция ценности Я состоит в регуляции внутренних состояний с целью влияния на внешний мир; генетический и динамический критерии позволяют определять элементы выделения себя из окружающего мира с ориентацией на возрастную динамику; по топологическому критерию у личности с целостным типом ценности Я доминируют процессы интроецирования.

Особенностью *дифференцированного типа* является выделение отдельных содержательных аспектов Я, которые построены по координационному принципу. В зависимости от задач взросления субъект стремится утвердить каждую атрибутивную характеристику, рассматривая ее как потенциальную возможность личностного роста. Динамика такого типа очень высока и обнаруживает себя в усилении проективных процессов.

У *интегрированного* типа содержательная составляющая Я структурно организована по принципу субординации. Субъект формулирует собственные жизненные задачи, осуществляя реальную регуляцию личностного развития. Ценность Я проявляется в ощущении степени своей значимости и ее соответствия уровню реальных достижений; наблюдается взаимная работа механизмов проекции и интроекции.

Следует специально подчеркнуть, что для одной личности может быть устойчиво характерен один тип ценности Я, а для другой – несколько сменяющих друг друга в процессе жизни и в определенной последовательности, типов.

Подводя итоги проведенного анализа ценности Я как предмета самоутверждения личности, следует определить ее сущность. Любая ценность представляет собой особую психическую реальность, в которой выражено определенное отношение человека к некоторым аспектам бытия (внешнего и внутреннего) по сравнению с другими его сторонами. Целью этого процесса является необходимость структурирования мира, овладения им и его присвоения. В ряде случаев такое присвоение касается не только того, что у человека есть, но и того, что у него отсутствует. Ценность – это то, что с точки зрения, например, экзистенциального психоанализа, фактически отсутствует или недостает в бытии человека, она не является реальностью, а представляет собой лишь возможность.

С нашей точки зрения, специфика и сущность ценности Я состоит в обращении к своему внутреннему миру и в его понимании (содержательный критерий), в структурировании его,

т. е. в проведении субординационной и координационной систематизации (структурный критерий), в изменении под влиянием личного опыта (динамический критерий) путем осуществления механизмов экстернализации/интернализации (топологический критерий) с целью регуляции внутренних состояний и личностного роста (функциональный критерий) субъектным способом (генетический критерий). Именно поэтому *сущность ценности Я* заключается *в способности человека овладеть своим внутренним миром путем его структурирования по критерию значимости в зависимости от возможностей среды, которые она предоставляет для апробирования степени приписываемой Я ценности.*

Субстратный анализ самоутверждения личности тесно связан с атрибутивным анализом, который основан на описании свойств, имманентно присущих изучаемому объекту.

3.1.2. Атрибутивный анализ

Атрибутивный анализ проводится с целью выяснения специфики, особенностей изучаемого явления по сравнению с близкими ему объектами или процессами.

Итак, основные характеристики самоутверждения личности можно разделить на две категории. К первой принадлежат те, которые условно называются *пространственными*.

К пространственным характеристикам относится *область самоутверждения*. Каждый конкретный акт самоутверждения осуществляется во вполне определенной, специфической сфере человеческой деятельности (вообще жизни). И этому не противоречит ни то, что существуют люди, готовые самоутверждаться в любое время и в любой области, ни то, что «превосходство в той или иной области порождает чувство абсолютного превосходства…» (Лем, 1971, с. 399).

Другая «пространственная» характеристика – *уровень самоутверждения,* или ценностная шкала. Суть процедуры самоутверждения в подавляющем большинстве случаев состоит в том, что человек стремится повышать уровень притязаний в зависимости от уровня реальных достижений, ставя их в соответствие с этапами жизни. Применительно к этим случаям термин «самоутверждение» можно было бы заменить термином «самовозвышение». Однако в целом они не синонимичны. Ведь иногда цель процедуры самоутверждения бывает более скромной и состоит в стремлении человека удержаться на уже достигнутой ступени.

Уровень самоутверждения не может быть абсолютен. В основном это обусловлено тем, что он релятивизирован относительно субъекта, т. е. в той или иной мере строится каждым субъектом самостоятельно (хотя нередко отождествляется им с системами ценностей других людей). Но конкретность уровня может быть обусловлена и его релятивизированностью относительно области самоутверждения – тем, что у каждой области есть своя шкала. Из таких частных шкал путем редуцирования каждой из них до размеров одной ступеньки может строиться общая шкала или общая система оценок.

Существенные характеристики самоутверждения, которые отнесены нами ко второй категории, обозначаются как *энергетические, или силовые*.

Одна из таких характеристик – *импульс к самоутверждению*, актуальная сила последнего, внутренняя потребность человека в самоутверждении, побуждение к нему.

Имеет смысл различать *общий и ситуационный* импульсы к самоутверждению. Под термином общий подразумевается не столько схожесть потребности в самоутверждении у всех людей по силе, сколько то, что у отдельного человека мера потребности в самоутверждении может оставаться относительно стабильной в течение всей его жизни. При этом предполагается, что этот процесс более или менее «нормален», т. е. не подвергается внезапным и кардинальным изменениям травматического характера. Однако и при такой оговорке необходимо помнить о том, что стабильность общего импульса относительна (к примеру, в детстве и юности он обычно бывает сильнее, чем у взрослого человека).

Понятие ситуационного импульса к самоутверждению в целом совпадает с тем, что Левин и его ученики называли «уровнем притязаний». Особо следует обратить внимание на то, что перед этим выражением они нередко ставили прилагательное «мгновенный». Ситуационный импульс к самоутверждению очень переменчив. Он может существенным образом меняться при переходе не только от человека к человеку, но и, например, от одной области самоутверждения к другой. Последнее часто обусловливается тем, что у человека разным областям соответствуют разные значения другой энергетической характеристики самоутверждения. Имеется в виду *потенциал самоутверждения,* или способность человека к деятельности, к удовлетворению того или иного импульса к самоутверждению, умение адекватно реализовать свои притязания.

Потенциал может быть *общим и специфическим*. Под общим потенциалом понимается готовность человека к поиску и выбору адекватных способов достижения ценности собственного Я и ее подтверждения.

Специфический потенциал есть способность человека к деятельности в данной области, иными словами, способность удовлетворить конкретный ситуационный импульс к самоутверждению. Поскольку практически – да и теоретически тоже – нет людей, обладающих возможностью с одинаковым успехом делать любую работу, постольку потенциал меняется при смене области самоутверждения. Меняется он и при переходе от человека к человеку – от самого большого, каким обладает гений, до самого низкого.

Думается, что сказанное предоставляет хорошую возможность вполне реалистически интерпретировать некоторые максимы, нередко упоминаемые в контексте проблемы самоутверждения. Мы имеем в виду установки типа «Найди себя», «Стань самим собой» и т. п. С нашей точки зрения, найти себя – это найти, в какой области самоутверждения у данного человека самый высокий потенциал, и где поэтому он сможет самоутвердиться наилучшим образом, т. е. одновременно и наибольшим, и самым надежным, реалистически прочным.

Импульс и потенциал – качественно различные характеристики самоутверждения. Их не следует смешивать. Об этом приходится говорить специально, и именно потому, что они находятся в тесном контакте, во взаимодействии, порождая весьма острые и сложные проблемы. Наиболее ярко это проявляется в том, что можно назвать *дефицитом самоутверждения*.

Он бывает двух видов, а именно: дефицит потенциала и дефицит импульса. Первое понятие фиксирует те случаи, когда у человека специфический потенциал ниже того, который требуется для удовлетворения ситуационного импульса. Проблемы этого рода чаще всего решаются путем повышения специфического потенциала, т. е. путем развития соответствующей способности человека. Менее популярный, хотя не менее эффективный способ решения таких проблем связан с сознательным ослаблением ситуационного импульса. Нежелание или неумение устранить дефицит потенциала способно привести к стрессам и к более серьезным психическим проблемам.

Понятие «дефицит импульса» отображает случаи противоположного рода: ситуационный импульс слабее, нежели тот, который был способен инициировать полную реализацию специфического потенциала. Существует единственный разумный путь устранения этого дефицита, а именно усиление ситуационного импульса. В противном случае потенциал либо реализуется не полностью, либо не реализуется вовсе.

Однако из сказанного не следует делать вывод, к которому пришел Левин, что «уровень притязаний определяется *исключительно* способностью индивида» (Lewin, 1935, с. 100), поскольку при всем их тесном контакте и взаимодействии импульс и потенциал являются качественно различными «энергетическими» характеристиками самоутверждения. Ни одна из них не может быть ни сведена к другой, ни полностью определена другой. Сам Левин буквально следующей же фразой фактически дезавуирует только что процитированное: «Однако вследствие требований со стороны взрослых или под влиянием успехов товарищей у ребенка может

возникнуть такой уровень притязаний, который явно выше (или ниже) его реальных способностей» (там же, с. 100).

Самоутверждение представляет собой тесную взаимосвязь рационального и иррационального. По-видимому, бóльшая часть иррациональности самоутверждения приходится на долю его импульса (хотя, конечно, и потенциал, равно как область и уровень, нельзя считать чем-то абсолютно рациональным). В самом деле, вряд ли случайно то, что во всех крупнейших исследованиях феномена самоутверждения усилия в основном (а порою и исключительно) тратились на анализ именно этого обстоятельства. «Человеческая воля к жизни» Шопенгауэра, «воля к власти» Ницше, «стремление к превосходству» Адлера и «притязание» Левина – все суть в известной мере синонимы, обозначающие то, что мы называем импульсом к самоутверждению, точнее сказать, фиксирующие, прежде всего, его иррациональную суть с целью ее рационального осмысления и оценки.

В последние годы в мировой и в отечественной философии прошло немало дискуссий, посвященных проблеме рационального и иррационального (Ойзерман, 1977; Мудрагей, 1995, 1999, 2002; Доддс, 2000). Было предложено множество трактовок этих понятий, поэтому специально оговоримся, что иррациональность импульса понимается нами как неосознанность действий (деятельности) человека, побуждаемых потребностью в самоутверждении, или если и осознанность, то невозможность определения ее значения и смысла. В подобных случаях импульс выступает для субъекта деятельности как иррациональная сила, влекущая человека либо помимо его воли, либо все-таки согласно ее велению, совершенно неподвластному его разуму.

Однако все это не является препятствием тому, чтобы подобные стремления не могли быть рационально квалифицированы сторонним наблюдателем, или самим субъектом в какие-то моменты переосмысления своей жизни.

В самом деле, стремление человека с физическими недостатками доказать свое превосходство над окружающими, на первый взгляд, выглядит чем-то абсолютно иррациональным. Однако Адлер объяснил, т. е. рационализировал его, показав, что оно вызвано настоятельной необходимостью освободиться от терзающего такого человека чувства неполноценности, порожденного его недугами, и возродить в нем чувство собственного достоинства.

Однако потребность в самоутверждении не специфична настолько, чтобы актуализироваться только у физически неполноценного человека; она возникает у любой личности. Объяснения универсальности самоутверждения, или его рационализация основывались на различных доводах, которыми были и беспокойство человека за свое бытие, и страх смерти, и потребность в личностном росте. С нашей же точки зрения, самоутверждение вызвано самой природой человека, противоречивостью его потребностей, т. е. одновременным стремлением к самосохранению и к самоактуализации, и поэтому его можно охарактеризовать как способ обретения или удержания, или расширения человеком объема его *собственно человеческого* бытия.

3.1.3. Функциональный анализ

Самоутверждение рождает в человеке чувство собственного достоинства и подтверждает его на разных этапах жизни. К такому выводу приходят исследователи, когда говорят о функциях самоутверждения.

Если считать его единственным выводом, то в таком случае неизбежно возникает следующая дилемма: либо признать, что это происходит не всегда и не со всяким человеком, поскольку самоутверждение способно порождать также и чувства превосходства, самодовольства, феномены нарциссизма, эгоцентризма, а в отдельных случаях и манию величия; либо

объявить чувство собственного достоинства атрибутом каждого человека (Бердяев, 1949, с. 73) и тем самым сделать понятие об этом чувстве очень широким и расплывчатым.

С данной трудностью не сталкивается другая (правда, гораздо менее распространенная) версия, по которой ценность самоутверждения заключается в том, что благодаря ему человек обретает смысл своего бытия, ценность своей жизни.

Обретение смысла состоит не в том, что человек просто обнаруживает некий абсолютный, универсальный, изначально заданный Смысл Жизни, ведь «в жизни самой по себе вообще нет никакого раз и навсегда заданного, однажды определенного смысла…» (Трубников, 1990, с. 437), а в том, что он сам сознательно или стихийно, намеренно или невольно, самими способами своего бытия придает ему этот смысл: в одном случае глубокий и емкий, «как жизнь Сократа, но к очень многому и нелегкому обязывающий»; в другом – поверхностный и мелкий, позволяющий «легко скользить по ней, без страха погрузиться в нее слишком уж глубоко, но и легко ускользающий и хрупкий» (там же, с. 438). В этом и состоит основная функция человеческого самоутверждения.

К дисфункциям самоутверждения следует отнести самоотрицание и отрицание. Последним термином мы обозначаем действие, направленное вовне – от самоутверждающегося субъекта к другим людям, или извне – от них к этому субъекту.

Может создаться впечатление, что обсуждение дисфункций подразумевает те случаи, в которых попытки самоутвердиться оказываются неудачными, и человек получает результат, прямо противоположный тому, на какой он рассчитывал. Однако эти случаи следовало бы именовать «дисфункциями попыток самоутвердиться». В данном случае имеются в виду те ситуации, когда акт самоутверждения состоялся, прошел все «положенные» ему этапы и успешно завершился, однако со временем он и его результат были подвергнуты радикальной переоценке. Ее разновидностями являются: 1) внутренняя – замена самоутверждения самоотрицанием, осуществленная исключительно по инициативе и силами данного субъекта; 2) наведенная – та же замена, что и в предыдущей разновидности, однако инициированная отрицанием этого акта и результата самоутверждения другими людьми; 3) внешняя – переоценка, состоящая в только что названном отрицании, однако не принятая самим субъектом и, как следствие, не перешедшая в самоотрицание.

В результате только что перечисленных нами переоценок самоутверждения как раз и возникают гетерогенные системы. В первом варианте это связка самоутверждение-самоотрицание, во втором – самоутверждение-отрицание-самоотрицание, в третьем – самоутверждение-отрицание. Однако здесь мы имеем дело с простейшими гетерогенными системами. Обычно же они гораздо более сложны. Стимулируемый общим импульсом к самоутверждению человек оказывается вовлеченным в построение длинных цепей (и иных системных конфигураций) самоутверждений.

В зависимости от функциональной направленности самоутверждения делятся на три типа: самоутверждение путем самоотрицания, самоутверждение путем отрицания другого Я и самоутверждение путем самопреодоления.

Самоутверждение путем *самоотрицания* способно переходить в самопреодоление, но обычно оно характеризуется стремлением отвергать достигнутое, обесценивать собственные успехи, преувеличивать свои неудачи. На определенных этапах жизни самоотрицание играет положительную роль и в строгом смысле слова не может быть названо дисфункцией. Однако как тип самоутверждения оно дисфункционально.

Самоутверждение путем *отрицания других Я* имеет разнообразные формы – от более или менее мягких форм, при которых «отрицаемый» по той или иной причине не осознает этого, до крайне жестких и жестоких, таких как физическое насилие и убийство. Так, считается, что сексуальные нападения вызваны не сексуальной неудовлетворенностью, а злобой и агрессивностью, порожденными фрустрирующими факторами, которые действуют внутри общины, осо-

бенно невозможностью достичь мужской идентификации и самоутвердиться иным путем, чем сексуальный. Даже такое социально-политическое событие, как война, иногда считают результатом, прежде всего (или исключительно), стремления людей к самоутверждению путем отрицания других Я. Необходимо отметить, что если в подобных самоутверждениях субъект и ставит целью причинить другому физические страдания (или даже физически уничтожить его), это, как правило, является лишь промежуточной целью, в свою очередь выступающей как средство достижения главной цели – причинить этому другому духовные и душевные страдания (морально уничтожить его).

Давно замечена и постоянно вызывала удивление такая парадоксальная, если не закономерность, то тенденция во взаимоотношениях между людьми: очень часто случается так, что чем ближе друг к другу два человека по характеру занятий, по способностям, по достигаемым результатам и т. п., тем неприязненней их отношения. Однако ощущение парадоксальности ситуации исчезает и заменяется ощущением ее естественности, если она рассматривается как ситуация утверждения собственной ценности путем отрицания ценности другого Я. Очевидно, что в подобных ситуациях близость областей, уровней, потенциалов самоутверждения не только не сближает людей, но, напротив, обостряет отношения между ними.

Самоутверждение путем *самопреодоления* принципиально отличается от самоутверждения путем отрицания другого Я, прежде всего, по нравственным основаниям. Однако между ними есть и сходство. Так, в механизме самоутверждения путем самопреодоления тоже заложен акт отрицания. Но теперь он направлен не на другое Я, а на свое собственное. Он не является ни исключительно, ни преимущественно деструктивным. Напротив, он преимущественно конструктивен. Человек отрицает себя вчерашнего (сегодняшнего) ради подъема по частной или даже общей ценностной шкале. Как операциональные переменные эти типы самоутверждения были названы самоотрицанием, доминированием и конструктивным самоутверждением соответственно.

Каждая из рассмотренных характеристик задает простые типы самоутверждений. Однако в реальности мы имеем дело со сложными типами самоутверждений, возникших на пересечении самых разных классификаций.

3.1.4. Структурный анализ

В самом начале этой главы речь шла о том, что для изучения структуры объекта необходимо, прежде всего, исследовать его компоненты. В свою очередь структура – особенно когда мы имеем дело с объектами типа акций, процедур, форм деятельности и т. п. – является достаточно подвижным образованием; она реализуется в постоянном функционировании объекта и потому не может быть познана в полной изоляции от его функций. А последние не являются периодическим повторением абсолютно тождественных циклов и приводят «к какому-либо необратимому (прогрессивному или регрессивному) изменению объекта, и, следовательно, функциональный анализ неотделим от генетического и т. д.» (Никитин, 1988, с. 11). Таким образом, анализ структуры, или структурный анализ проводится на основе субстратного, атрибутивного и функционального видов анализа.

«Структура – это способ внутренней организации объекта, способ связи его элементов в некоторую целостность» (Никитин, 1970, с. 103). Структурное объяснение позволяет раскрыть одну из наиболее важных сторон сущности объекта. В ряде случаев для обозначения структурного объяснения используют термин «объяснение через механизм» или «объяснение через скрытый механизм». В книге Е. П. Никитина «Объяснение – функция науки» специально подчеркивается, что как таковые «эти термины не вызывают возражений, однако, их созвучие с термином «механическое объяснение» иногда приводит к путанице, в частности, – к сведению структурного объяснения к механическому структурному объяснению» (с. 103). «Структур-

ное объяснение объекта, – поясняется далее – состоит либо в установлении его внутренних элементов и способа их сочетания в единое целое, либо в установлении места объясняемого объекта в некоторой бóльшей системе» (с. 103–104). «Сущность объекта определена не только его внутренней структурой, но и его местом во внешней структуре. Поэтому структурное объяснение может состоять не только в раскрытии внутренней структуры объекта, т. е. в объяснении целого в терминах его частей (элементов), но и в показе места и роли объекта во внешней структуре, т. е. в объяснении части (элемента) в терминах целого» (с. 104).

В психологии понятие «структура» используется так же часто, как и в других науках. Оно употребляется применительно к психике вообще (К. Юнг, З. Фрейд), восприятию (М. Вертгеймер), памяти (К. Коффка), интеллекту (Б. Г. Ананьев, М. А. Холодная), личности (С. Л. Рубинштейн), мотивации (Х. Хекхаузен) и др. Думается, что именно в психологии различаются два подхода к пониманию структуры: первый характеризует ее как «относительно устойчивое единство некоторого множества взаимосвязанных элементов, характеризующее целостность соответствующего объекта… обеспечивает сохранение его основных свойств при различных внутренних и внешних изменениях» (Холодная, 2002, с. 247), согласно второму – структура рассматривается как «способ внутренней организации элементов объекта» (Глинский, Грязнов, Дынин, Никитин, 1965, с. 118), как «некоторый *содержательно, качественно определенный тип системы отношений*» (там же, с. 121). Иными словами, в одном случае акцент делается на системе компонентов, которые в своей взаимосвязи образуют структуру, а в другом – на характере отношений, связей, зависимостей между компонентами.

Эти две интерпретации структуры нашли свое отражение в представлениях З. Фрейда разных лет о психическом аппарате. Понятие психического аппарата появилось в 1895 г. в работе «Проект научной психологии». Одна из основных гипотез Фрейда основывалась на том, что у каждого индивида имеется относительно стабильная психическая организация. «Понимание структуры и способа действия этого психического аппарата претерпело значительные изменения в мышлении Фрейда, но только не основополагающая мысль о существовании подобного психического аппарата как такового» (Холдер, 1998, с. 230). В его научном творчестве выделяются три модели: модель аффективной травмы, топическая и структурная модели.

Первая из них, согласно Раппопорту, относится к 1886–1897 гг. и сформулирована в самых общих чертах.

Вторая – к 1897–1923 гг. Она носит название топической, или топографической, поскольку различные системы психического аппарата рассматриваются как взаимосвязанные и взаимодействующие в области некоторого наиболее общего пространства. Именно в этой модели просматривается *первая интерпретация* понятия «структура», данная нами. Хотя, безусловно, уже в ней имеются представления о принципах организации системы – вытеснении, защитах, сопротивлении.

Третья носит название структурной модели и разработана в период с 1923 г. по 1939 г. Последняя модель может быть соотнесена со *второй интерпретацией* понятия «структура», где внимание акцентируется не только на элементах системы (Оно, Я, Сверх-Я), но и на *принципах* ее организации: принцип удовольствия, принцип реальности, принцип редукции напряжения. В структурной модели появляется Сверх-Я как проводник морали и «является интрапсихическим представителем тех отношений, которые существуют у индивида со своими родителями в частности и с обществом в целом» (Холдер, 1998, с. 261).

Важно понять, каковы *отношения* между Оно и Я, Я и Сверх-Я. Именно эти отношения позволяют говорить о существовании некоего целого, называемого психическим аппаратом. «Фрейд рассматривает Я… как структуру, которая развилась из Оно под влиянием внешней реальности для обеспечения самосохранения. В этом качестве Я выполняет задачу посредника между требованиями Оно и внешнего мира, а также, начиная с определенного момента в инди-

видуальном развитии, требованиями специфического, обращенного вовнутрь и превратившегося в отдельную структуру аспекта внешнего мира, то есть требованиями Сверх-Я» (там же, с. 259). И далее, «структура Я характеризуется следующими особенностями: своим происхождением и своим наличием оно обязано взаимодействию психического аппарата и внешнего мира, а также потребности в самосохранении; Я является организованной частью Оно. Его различные функции служат задаче быть посредником между требованиями Оно, Сверх-Я и внешним миром, и оно работает на сознательном, предсознательном и динамическом бессознательном уровнях» (там же, с. 259).

Отношения между двумя другими структурами – Я и Сверх-Я строятся иначе. Они играют ведущую роль в «регуляции чувства собственной ценности, поскольку напряжение между обеими структурами создает не только весьма вероятное чувство вины, но и может вызвать чувство неполноценности. И наоборот, оно может также повысить самооценку, если Я будет способно приблизиться к содержащимся в Сверх-Я идеалам и ценностям» (там же, с. 262).

Можно заметить, что приведенные выше высказывания не только конкретизируют (на примере развития теории классического психоанализа) общефилософское определение понятия структуры и структурного анализа, но, кроме этого, позволяют обнаружить толкование чувства собственного достоинства, самоценности, с одной стороны, и чувства неполноценности, с другой, самим Фрейдом.

В современном психоанализе понятие «структура» занимает одно из главных мест как в диагностике характера (психотического, пограничного и невротического), так и в предсказании того, каким будет рабочий альянс и ход лечения. Принято говорить соответственно о психотической, пограничной и невротической структурах с точки зрения таких принципов организации этих систем и отношений, как определяющие конфликты, фрустрации, эффекты влечений, защиты Я и реакции на внешнее и внутреннее давление (Бержере, 2001, с. 255).

Субстратный анализ самоутверждения личности показал, что оно представлено двумя базовыми компонентами – тем, *что* утверждается (*утверждаемое,* или предмет утверждения) и тем, *чем* оно утверждается (*утверждающее,* или основание). *Предметом* самоутверждения является ценность Я, а *средством самоутверждения* (*или утверждающим*) – ценность произведенного продукта, другого человека, группы людей и т. д.

Связи между предметом и средством самоутверждения личности определяют его *внутреннюю структуру*, которая организуется по общему принципу опосредствования (путем актуализации механизмов экстернализации и интернализации), а в частном виде выражается через взаимную работу механизмов проекции и интроекции, и механизмов поддержания самооценки. Вследствие этого обсуждение механизмов проекции и интроекции является основной задачей структурного анализа самоутверждения личности.

Проекция и интроекция. Термин интроекция был введен Авенариусом как антитеза проекции. В самом общем виде интроекция означает втягивание объекта в субъективный круг интересов, присвоение их себе, приватизация части реальности, а проекция – вкладывание субъективного содержания в объект, приписывание своих желаний, установок, черт, эмоциональных переживаний внешнему миру, его персонализация.

Вопрос о примитивности/зрелости рассматриваемых механизмов до сих пор остается не решенным. Одни авторы (например, Н. Маквильямс, Е. Т. Соколова) считают, что проекция и интроекция представляют собой довольно простые, элементарные защитные механизмы, в грубой форме осуществляющие отторжение/присвоение какого-либо материала. С точки зрения других исследователей (К. Юнг, П. Хайманн и др.), оба эти механизма способны конструктивно изменяться в процессе жизни и трансформироваться в более зрелые формы. В связи с

этим интроекция может рассматриваться как нормальный механизм, через который осуществляется процесс расширения круга интересов субъекта (Ш. Ференци).

Согласно Юнгу, интроекция сродни процессам ассимиляции, уподобления объекта субъекту, а проекция, напротив, похожа на диссимиляцию, переложение субъективного содержания на объект (Юнг, 1998, с. 526). Проекция «обозначает состояние тождества, которое стало заметным и вследствие этого подверженным критике, будь то собственной критике субъекта или же критике кого-нибудь другого» (там же, с. 550). Позиция Юнга в этом вопросе не совпадает с пониманием другими авторами рассматриваемых механизмов как крайне незрелых и примитивных. Он подчеркивает, что принцип тождества позволяет говорить о запуске сложных процессов анализа, синтеза и сравнения, которые не могут быть актуализированы в самых простых системах диффузного типа. По существу, интроекция по Юнгу выполняет функцию познания внешнего мира путем включения его части в свое психологическое пространство. Проекция же, во-первых, позволяет избавиться от тревожных мыслей и чувств, сохранить самооценку, а во-вторых, взглянуть на себя со стороны. Юнг полагал, что в процессе индивидуации работа с каждым архетипом (Тенью, Анимой/ Анимусом, Мудрецом, Самостью и др.) осуществляется по принципу переноса их индивидуального содержания на внешние объекты с целью последующей проработки и интеграции.

В более поздних психоаналитических работах мысль о неоднозначности трактовки интроекции и проекции не только сохраняется, но и развивается. Так, с точки зрения Кляйн и др., «в переводе на язык древнейших оральных инстинктивных импульсов» процессы интроекции и проекции могут быть описаны так: «Вот это я хочу съесть, а это вот – выплюнуть» (Кляйн, Айзекс, Райвери, Хайманн, 2001, с. 194). Комментируя данное высказывание, авторы показывают, что в таком метафорическом виде эти процессы выглядят довольно тривиально. Сугубо психологическая интерпретация, данная ими, практически не отличается от традиционного понимания интроекции и проекции. «Когда Эго принимает в себя внешние стимулы, делает своей частью, оно их интроецирует. Когда Эго эти стимулы отвергает, оно их проецирует, поскольку решение о “вредности” последних принимается после пробной интроекции» (там же, с. 194).

Классическая проекция (по З. Фрейду) состоит в приписывании объектам внешнего мира свойств, мотивов и качеств, в которых человек отказывает себе, а интроекция заключается во вбирании в себя всего полезного (Соколова, 1980). Однако уже в работах последователей Фрейда было показано, что проекция может быть не только такой, какой понимал ее основатель психоанализа. Она может быть, к примеру, атрибутивной или рациональной, т. е. совсем не однозначной и далеко не примитивной. Так, рациональная проекция сопровождается уместными комментариями и мотивировками результатов переноса своих чувств и мыслей на другие объекты. П. Хайманн рассматривает эти механизмы в качестве важных функций Эго, называя их «его корнями, инструментами его формирования». Утверждается, что это «первичные процессы не только для поддержания жизни организма (как в случае обмена веществ), но и вообще для всякой дифференциации и модификации в любом конкретном организме» (Кляйн, Айзекс, Райвери, Хайманн, 2001, с. 199). Следует признать, что оба эти механизма существенно трансформируются в ходе личностного развития субъекта, сохраняя исходно примитивные формы проявления и развиваясь в более совершенные и зрелые.

На этих процессах строится взаимодействие субъекта с миром объектов и с другими субъектми. Их взаимное осуществление приводит к преобразованию внутренних процессов, к появлению Я как отдельной ценности. Нарушения во взаимодействии проекции и интроекции ведут к проблемам и трудностям развития. Например, «слишком хороший ребенок», по мнению П. Хайманн, «без разбора интроецирует свои объекты; он остается как бы пустой оболочкой для имперсонификаций и имитаций и не развивается в “характер”. Ему не хватает “личности”» (Кляйн, Айзекс, Райвери, Хайманн, 2001, с. 200). Более того, согласно Х. Кохуту,

ребенок может интроецировать дефектные образы родителей, «помещая» в свой внутренний мир угрожающие объекты, от которых он не может и не хочет сепарироваться. Известно, что от авторитарной матери ребенок зависим больше, чем от любящей, поскольку его потребность в признании недостаточно удовлетворена, и в этом, как оказалось, ребенок винит себя сам. Думая, что он не достаточно хорош (послушен, умен, красив и т. д.), ребенок надеется на то, что со временем, избавившись от этих недостатков, которые являются скорее фантазиями, нежели реалиями, он сможет получить то, чего ему так не хватает. В терминах нашей концепции у такого ребенка начинает доминировать одна из стратегий самоутверждения личности – самоотрицание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.